РУССКАЯ ФАНТАСТИКА
АНДРЕЙ ВАЛЕНТИНОВ
ВЕК-ВОЛКОДАВ

Андрей Валентинов

Век-волкодав

Серия «Око силы»

Серия «Око Силы. Четвертая трилогия (20-е годы XX века)», книга 3

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2671845
Век-волкодав: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-53735-8

Аннотация

России нужна иная История. Больше славы, меньше крови, Великое Прошлое должно быть достойно Светлого Грядущего. Это под силу тому, кто стоит над Временем. И горе его врагам. Железной рукой загоним человечество к счастью! Люди же – не творцы своей судьбы, а злые бесхвостые обезьяны. Бурный год 1924-й начинается с торжественных похорон на Главной Площади. Большие Скорпионы гибнут один за другим, освобождая путь для победителя, готового шагнуть из черной тени. Иная история столь же кровава и страшна, как та, что уже свершилась. Век-волкодав вступает в свои права. Лишь немногие решаются кинуть вызов торжествующей силе. На страницах романа встречаются персонажи разных эпох и реальностей: красный кавалерист Ольга Зотова и капитан Микаэль Ахилло, бывший белый офицер Ростислав Арцеулов и подпольщица Ника. Новая, неожиданная участь ожидает безумного барона Унгерна и Иосифа Сталина.

Новая книга Андрея Валентинова – последняя в цикле «Око Силы». XX век, Век-волкодав закончился, но продолжается История.

Содержание

Глава 1. Прощание с Агасфером 4
1. 4
2. 7
3. 12
4. 17
Глава 2. Наследство Льва 24
1. 24
2. 28
3. 34
4. 38
5. 40
6. 44
Глава 3. Гиперболоид Пачанга 45
1. 45
2. 49
3. 52
4. 57
5. 61
Глава 4. Париж, Париж… 65
1. 65
Конец ознакомительного фрагмента. 66

Андрей Валентинов
Век-волкодав

Глава 1. Прощание с Агасфером

1.

Вчера здесь горели костры, отогревая непослушную ледяную твердь. Пламя давно погасло, но горький дым никуда не исчез, напротив – сгустился, накрывая сизым полупрозрачным куполом недвижную, наполненную народом площадь. Ночью шел снег, но к утру, к позднему зимнему рассвету, перестал. Низкое серое небо молчало, тяжелые тучи неопрятным рваным саваном накрыли Столицу. Над огромной молчаливой толпой – облака нестойкого белого пара. Морозы ударили еще на новый год, 1924-й от Рождества Христова, но в последнюю неделю похолодало всеконечно, до инея на губах и спазма в горле.

27 января, воскресенье. Заледеневшая площадь, красный кумач на невысоком деревянном постаменте, тяжелый гроб под кумачом…

Тишина – и голос посреди тишины.

– Товарищи! Мы, коммунисты, – люди особого склада. Мы скроены из особого материала. Мы – те, которые составляем армию великого пролетарского стратега, армию товарища Троцкого. Нет ничего выше, как честь принадлежать к этой армии. Нет ничего выше, как звание члена партии, вождем и руководителем которой является товарищ Троцкий…

Ольга Зотова не смотрела на трибуну. Речь она уже прочла – ночью, когда ее внезапно вызвали к товарищу Киму. Ей достался плохо различимый «слепой» лист машинописи – серые буквы по серой бумаге. Секретарь ЦК положил карандаш на зеленое сукно стола, кивнул на стул.

– Прочитайте, Ольга Вячеславовна. Если что заметите, черкните.

Делать нечего, села, прочла, исправила неудачный деепричастный оборот.

– …Не всякому дано выдержать невзгоды и бури, связанные с членством в такой партии. Сыны рабочего класса, сыны нужды и борьбы, сыны неимоверных лишений и героических усилий – вот кто, прежде всего, должны быть членами такой партии. Вот почему наша партия, партия коммунистов, называется вместе с тем партией рабочего класса…

Последние три дня Ольга ночевала прямо на работе, освоив кожаный диван в одном из пустых кабинетов. Домой не отпускали, не разрешили даже позвонить соседям, чтобы те предупредили Наташку. Все пропуска были отменены, взамен выдали временные карточки, а вместе с ними – тяжелые казенные полушубки в комплекте с шапками черного собачьего меха и рукавицами. Кто-то остроумный поспешил назвать все это комплектом «Замерзал ямщик». Никто не жаловался. Ходить пришлось много, в привычной же шинели воспаление легких можно было заработать за полчаса. Товарищ Ким тоже надел скромный серый полушубок, странно смотревшийся на трибуне между роскошной черной шубой товарища Зиновьева и рыжей дохой Культа Личности – товарища Сталина. Шапку Ким Петрович сдвинул на затылок, подставляя лоб стылому ледяному ветру.

– Уходя от нас, товарищ Троцкий завещал нам хранить единство нашей партии, как зеницу ока. Клянемся тебе, товарищ Троцкий, что мы с честью выполним и эту твою заповедь!..

Прочитав речь, Зотова сразу обратила внимание на «клянемся тебе», поморщилась, но править не стала. Как еще сказать? Смерть Троцкого обрушилась внезапно, словно снег с

январского неба. Лев Революции серьезно захворал еще в ноябре, в декабре «Правда» начала печатать бюллетени, но в последние недели дело пошло на поправку, ушлые репортеры поспешили напечатать несколько свежих фотографий с улыбающимся Предревовоенсовета. Всезнающие сплетники предположили, что наученный жизнью Лев воспользовался обычной простудой, как предлогом, дабы не появляться на XIII-м партсъезде, где его сторонникам пришлось туго.[1] Ждали совсем другой смерти, близкой и предсказуемой – в Горках врачи все еще боролись за жизнь парализованного Вождя. Но тот не сдавался вопреки всем мрачным прогнозам. Поговаривали, что состояние Предсовнаркома никак не безнадежно, потому и не спешит в Столицу мудрый Троцкий, предпочитая отсиживаться на Кавказе. Почуял бы близкую смерть Вождя, примчался бы сразу – власть делить.

Так и болтали, посмеиваясь над призраком Костлявой. Но поздно вечером 20 января из Сухуми пришла телеграмма-молния.

– …Тяжела и невыносима доля рабочего класса. Мучительны и тягостны страдания трудящихся. Рабы и рабовладельцы, крепостные и крепостники, крестьяне и помещики, рабочие и капиталисты, угнетённые и угнетатели, – так строился мир испокон веков, таким он остаётся и теперь в громадном большинстве стран. Десятки и сотни раз пытались трудящиеся на протяжении веков сбросить с плеч угнетателей и стать господами своего положения. Но каждый раз, разбитые и опозоренные, вынуждены были они отступить, тая в душе обиду и унижение, злобу и отчаяние и устремляя взоры на неведомое небо, где они надеялись найти избавление…

Зотова, поглядев на низкие серые тучи, зябко передернула плечами. Даже полушубок не спасал – слишком силен мороз… В тексте, ею читанном, этот абзац был в двух вариантах. В первом упоминалась Церковь, веками обманывавшая доверчивый народ. Ким Петрович предпочел, однако, осторожные слова о «неведомом небе». Неспроста! На партсъезде было принято решение о «дальнейшем совершенствовании» атеистической работы. Главный безбожник страны Ярославский-Губельман отбыл в длительную командировку на Дальний Восток и почти сразу же был выпущен из-под ареста Патриарх Тихон. Не он один – на Соловки, в страшный СЛОН, была направлена специальная комиссия дабы пересмотреть дела «контрреволюционных попов». С «неведомым небом» явно намечалась мировая.

– …Уходя от нас, товарищ Троцкий завещал нам хранить и укреплять диктатуру пролетариата. Клянёмся тебе, товарищ Троцкий, что мы не пощадим своих сил для того, чтобы выполнить с честью и эту твою заповедь!..

Голос Кима Петровича загустел, налился тяжелым металлом. Стоявший рядом Сталин согласно кивнул и, не удержавшись, бросил взгляд на красный кумач, покрывавший гроб. Ольга вспомнила свежую утреннюю шутку про бывшего Генсека, якобы попросившегося в почетный караул вне очереди – дабы проследить, чтобы Лев Революции внезапно не воскрес. Отношения между вождями ни для кого не были тайной. Все предвкушали будущую яростную схватку двух всесильных Скорпионов после неизбежного ухода Предсовнаркома. Но тот все еще жив, и схватки не будет…

– Основой диктатуры пролетариата является наша Красная Армия, наш Красный Флот. Товарищ Троцкий не раз говорил нам, что передышка, отвоёванная нами у капиталистических государств, может оказаться кратковременной. Он не раз указывал нам, что укрепление Красной Армии и улучшение её состояния является одной из важнейших задач нашей партии. События, связанные с ультиматумом Керзона и с кризисом в Германии, лишний раз

[1] В известном нам варианте Истории в январе 1924 года состоялась XIII конференция РКП(б). Автор напоминает, что «Око Силы» – произведение фантастическое, реальность, в нем описываемая, лишь отчасти совпадает с истинной. Автор сознательно и по собственному усмотрению меняет календарь, географию, судьбы людей, а также физические и прочие законы. Исследование носит художественный, а не исторический характер. Можно добавить, что подлинная История описываемых событий неизвестна и едва ли станет известной в ближайшие десятилетия.

подтвердили, что товарищ Троцкий был прав. Поклянёмся же, товарищи, что мы не пощадим сил для того, чтобы укрепить нашу Красную Армию, наш Красный Флот!..

Бывший замкомэск вновь окинула взглядом близкую трибуну, покачала головой. Нет, ничего еще не кончено. Красивые слова над гробом едва скрывают горькую правду. «Наша Красная Армия» вовсе не наша, а Председателя Революционного военного Совета товарища Троцкого. Кому отойдет наследство? А десятки, – нет, сотни тысяч! – молодых партийцев, вступивших в РКП(б) на фронте? Кого поддержит бывшая гвардия Льва? Сейчас они все здесь, на одной трибуне – Ким и Сталин, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков. А что будет завтра?

Безумный Вождь наш болезнью свален,
Из жизни выбыл, ушел из круга.
Бухарин, Троцкий, Зиновьев, Сталин,
Вали друг друга!

Одного уже свалили… Кто следующий?

– …Громадным утёсом стоит наша страна, окружённая океаном буржуазных государств. Волны за волнами катятся на неё, грозя затопить и размыть. А утёс всё держится непоколебимо. В чём её сила? Не только в том, что страна наша держится на союзе рабочих и крестьян, что она олицетворяет союз свободных национальностей, что её защищает могучая рука Красной Армии и Красного Флота. Сила нашей страны, её крепость, её прочность состоит в том, что она имеет глубокое сочувствие и нерушимую поддержку в сердцах рабочих и крестьян всего мира…

Ольга не выдержала – поморщилась. Интересно, кто речь писал? Уж точно не сам товарищ Ким, любитель трубок предпочитает выражаться просто, без лишней поэзии. Вспомнилось, как начальник, получив обратно текст с ее правками, бегло проглядел, взглянул вопросительно, словно и сам был не слишком уверен. Зотова спорить не стала. Все вроде на месте: и про партию, и про единство, и про международный пролетариат. Пусть себе! Будет что в учебники вставить – между рассказами про очередного съеденного Скорпиона.

– …Уходя от нас, товарищ Троцкий завещал нам верность принципам Коммунистического Интернационала. Клянемся тебе, товарищ Троцкий, что мы не пощадим своей жизни для того, чтобы укреплять и расширять союз трудящихся всего мира…

Пора было уходить. Ольга нащупала в кармане серебряную луковицу часов, достала, щелкнула крышкой. Десять минут на то, чтобы выбраться из толпы, столько же – дойти до входа в Исторический музей, где расположилась временная комендатура. Еще четверть часа на всякие формальности: получить, расписаться, спрятать полученное понадежнее… Авто будет ждать у Александровского сада сразу за внешним оцеплением.

Бывший замкомэск проверила на месте ли пропуск.

Время!

Уже уходя, девушка спиной почуяла чей-то внимательный взгляд. Оборачиваться не стала, лишь плечом дернула. Пусть себе! Товарищ Троцкий умер, что, конечно, очень печально… Но пусть мертвые хоронят своих мертвецов!

2.

Товарищ Москвин, проводив Ольгу взглядом, поправил жесткий воротник полушубка, хмыкнул беззвучно. Непартийно выходит, товарищ Зотова, не по-большевицки! Даже не соизволила досмотреть, как мертвого Льва землицей мерзлой засыплют. Надо бы в первичке вопрос поставить, на очередной партийной чистке вспомнить…

Леонид подивился собственной кровожадности и вдруг понял, что очень хочет курить. Нераспечатанная пачка «Марса» ждала в кармане, но достать ее было никак невозможно. Вокруг все свои, трижды проверенные, у каждого глаз-алмаз. И не то плохо, что запомнят и в рапортах пропишут. Нельзя! Он, Москвин Леонид Семенович, теперь не абы кто, а начальник.

Начальничек…

Бывший старший оперуполномоченный, вздохнув горько, тронул пальцами пачку, вынул руку из кармана, варежку надел. «Ох, начальник, ты, начальничек, отпусти на волю». Права ты, Мурка, Маруся Климова – не для него такая служба. Рвать отсюда, рвать, самое время! Не то оглянуться не успеешь, и привычный кабинет с телефоном обернется расстрельной камерой – тоже привычной. Пока что молнии бьют по вершинам. В самом конце декабря – Дзержинский, теперь – Троцкий. Но это пока…

«Ой, гроб несут да и коня ведут. Но никто слезы не проронит. А молодая, ох молодая комсомолочка жульмана хоронит…»

Песня прицепилась со вчерашнего вечера, всплыв откуда-то из глубин памяти. Вроде бы слыхал ее чекист Пантёлкин в питерском домзаке, куда угодил аккурат после увольнения. Удивился еще: странное что-то шпана поет. После уже узнал, что комсомолку да жульмана в старую песню вставили, казацкую, чуть ли позапрошлого века. Но все равно, невесело выходит.

Течет, течет речка да по песочку,
Моет, моет золотишко.
А молодой жульман, ох, молодой жульман
Заработал вышку.

* * *

Приказ не покидать Главную Крепость товарищ Москвин выслушал без особых эмоций, твердо решив в дела похоронные не вмешиваться. У Льва верных шакалов – целая стая, пусть они и бегают, преданность напоследок кажут. Хватало дел иных. Ким Петрович определил Леонида в группу ЦК, следящую за порядком в Столице. Работа не слишком трудная: сотрудники сидят за телефонами, его же дело – бумаги в папку подшивать да начальству три раза в день перезванивать. Проскучав за столом первый день, бывший чекист рассудил, что можно особо не волноваться. Волна идет стороной…

Успокоился – и зря.

Ему позвонили под утро – незнакомый голос, хриплый то ли от простуды, то ли от бессонной ночи. Руководителя группы Техсектора ЦК вызывал товарищ Каменев. Самое время было удивляться. Вся Столица вверх дном, только вчера прибыл траурный поезд, днем начнется прощание в Колонном зале Дома Советов, со всех городов спешат делегации… Какое дело может быть у члена Политбюро к рядовому сотруднику?

Бывший старший оперуполномоченный удивляться не стал. Уложил бумаги в сейф, проверил спрятанный в рукаве пистолет, подумал и, сняв пиджак, отвязал резинку. «Эсерик» не для такого случая. Охрана у Льва Борисовича на уровне, обнаружат – неприятностей не оберешься.

В приемную товарища Каменева набилась целая толпа, и Леонид перевел дух. Могли и просто вызвать, для отчета о делах в Столице, скажем. Сводку он прихватил и мог с чистым сердцем сообщить, что количество происшествий значительно ниже, чем в обычное время, бойцы товарища Муралова, начальника Столичного военного округа, службу несут исправно, обеспечение же полевыми кухнями будет налажено к полудню сегодняшнего дня.

Сводка не понадобилась. Бывший чекист понял это, даже не переступив порога. В кабинет его вызвали не одного, что сразу заинтриговало. Этого парня он не знал, хотя и видел мельком пару раз в коридорах Сенатского корпуса. Леонид еще успел прикинуть, что такого на дело не пошлешь – заметен больно. Годами его постарше, широкоплеч, словно волжский амбал, голова до синевы брита, брови белые, легким пушком. Глаза же серые, будто шляпки от гвоздей. Не человек, а ходячая особая примета.

– Заходите, товарищи, заходите!..

Голос Льва Борисовича Каменева звучал устало, даже стекла очков потухли, перестав отражать неяркий зимний свет. Председатель Политбюро попытался привстать, встречая гостей, правда, без особого успеха. Приподнялся с немалым трудом, да и рухнул обратно на стул. Товарищ Москвин мысленно посочувствовал хозяину кабинета. Поди, намаялся за это время. Не каждый день Льву Льва хоронить приходится!..

Каменева Леонид не слишком опасался, но в кабинете хватало и прочих. Возле окна пристроился товарищ Сталин. С бывшим Генсеком товарищ Москвин дел еще не имел, но вот справа, рядом с пустующим креслом, стоял Ким Петрович собственной персоной с неизменной трубкой «bent» в руке. В довершение всего рядом с ним оседлал стул Николай Лунин, заместитель отсутствующего товарища Куйбышева.

Компания подобралась, что ни говори, странная. Если Лев Борисович по долгу службы старался ладить со всеми, то прочие определенно друг с другом в контрах. Ходили упорные слухи, что именно оба Лунина, старший и младший, помогли уйти в отставку Генсеку, теперь же Николай Лунин на каждом шагу критиковал Кима Петровича, обвиняя того чуть ли не в узурпации власти.

Сегодня все они, собравшись вместе, зачем-то возжелали видеть скромного руководителя научно-технической группы. Едва ли такое к добру. И пистолет не помог бы – из этого кабинета не выпустят.

– Проходите ближе, к столу.

Это уже товарищ Ким – пустую трубку к губам подносит. И смотрит странно, будто бы намекает. На что? Никак покурить самое время?

Спорить гости не стали, вперед шагнули, к самому столу. Леонид слева, Особая Примета – справа.

Остановились.

Легкий стук – трубка товарища Кима легла на зеленое сукно. Лев Борисович наморщил лоб, полез в боковой карман френча, долго возился… Вторая трубка, хоть и совсем непохожая. Большая, вся в неяркой бронзею И снова стук – Сталин, неслышно шагнув к столу, положил рядом свою маленькую носогрейку.

Товарищ Москвин вновь еле сдержал улыбку. Вот на что намекал начальник!

«Bent apple» – «гнутое яблоко» сам скользнул в руку. Леонид аккуратно пристроил трубку рядом со всеми прочими. В тот же миг на зеленое сукно легла еще одна – Особая Примета тоже сообразил, что к чему.

Все? Нет, не все. Каменев блеснул стеклами очков, оглянулся удивленно.

– Товарищ Лунин?

Заместитель председатели ЦКК-РКИ поморщился, словно лимон сжевал, но спорить не стал – порылся в кармане, повертел трубку в пальцах, к столу шагнул. Трубка показалась Леониду знакомой. Именно такую – «Prince», поименованную честь Эдуарда, Принца Уэльского – он видел у товарища Куйбышева.

«Масоны какие-то», – рассудил бывший старший оперуполномоченный, но совсем не расстроился. Почему бы и нет? Масоны – ребята серьезные, под каждой кроватью, говорят, стрелковую ячейку отрыли.

– Вас пригласили, товарищи, для того, чтобы разъяснить один вопрос…

Товарищ Каменев договаривать не стал, в сторону покосился – прямиком на Лунина-младшего. Тот, дернув плечом, поглядел на гостей без всякой симпатии.

– Разъяснять вопрос следует не здесь, а как минимум на пленуме Центрального Комитета, гласно. Но я подчиняюсь партийной дисциплине…

Товарищ Москвин успел заметить легкую усмешку, тенью промелькнувшую по лицу бывшего Генсека.

– …Итак, товарищи… Вам обоим приходилось иметь дело с… с личностью, именующей себя Агасфером.

Леонид не удержался – дрогнул, вновь почувствовав за спиной холод расстрельной стенки. «Моя партийная кличка – Агасфер, но сейчас меня чаще называют Ива́новым. Ударение на первом слоге, по-офицерски.»

Черная Тень…

– В свое время вам были даны разъяснения, но они не были исчерпывающими.

– Конспираторы хреновы, – буркнул в густые усы товарищ Сталин. – Не обижайтесь, товарищи, это не про вас, а про всех, здесь присутствующих. Заигрались в неаполитанскую каморру, панымаишь!..

Бывший старший уполномоченный невольно поглядел на того, кто стоял рядом. Значит, и к Особой Примете приходила Тень? Интересно, чего хотели от парня?

Глаза-гвоздики тускло блеснули:

– Лично мне было разъяснено, что Агасфер – коллективный псевдоним некоторых членов Политбюро. Его использовали из соображений секретности. Мне такая практика представляется странной и опасной. Об этом я уже писал в докладной в Центральный Комитет.

Голос у бритого оказался под стать облику – тусклым и невыразительным. Товарищ Москвин прикинул, что такого он группу брать бы не стал – поостерегся. Ишь, докладные про Агасфера пишет, не боится! То ли очень смелый, то ли очень глупый…

– История, собственно, очень простая, – Ким Петрович шагнул вперед, пригладил шкиперскую бородку, – Агасфер – прозвище. Не партийный псевдоним, а именно прозвище, дружеская кличка. Так мы называли товарища Троцкого. Лев Давыдович не обижался, ему даже нравилось.[2]

Леонид вспомнил строчки некролога во вчерашней «Правде». Покойный Председатель Реввоенсовета и вправду чуть ли не весь мир успел объездить. Если и быть кому Вечным Жидом, так именно ему, Льву Троцкому.

– А потом, когда Лев Давыдович стал наркомом, это прозвище очень пригодилось…

Товарищ Ким на миг замялся, подыскивая нужные слова.

– Троцкий был странным человеком, – подхватил Сталин. – И сильным, и слабым. Его силу видели враги, а слабость мы, его товарищи. Троцкий был очень обидчив, не выносил, когда кто-то вмешивался в военные вопросы. Развел в Политбюро настоящее местничество. Прямо-таки вотчинный боярин при царе Иване…

---

[2] Реальный факт.

Бывший старший оперуполномоченный отметил про себя «Троцкого». Не «Предреввоенсовета», даже не «товарища». Права, ох, права антинаучная книга Библия. Лучше быть живой собакой, чем мертвым Львом!

– Троцкий потребовал, чтобы посторонние – он так и говорил: «посторонние» – упоминались в военных документах под особым псевдонимом, особенно в тех случая когда его, Троцкого, полномочия узурпировались. Такой, панымаишь, ранимый человек. Политбюро согласилось. Иногда такое и вправду полезно – из соображений секретности. Сам я был Агасфером чуть ли не полгода, в 1919-м, когда Троцкого отстранили от командования Южным фронтом…

– А я – ни разу, – товарищ Каменев развел руками. – Зато Вождь – регулярно, особенно когда товарищ Троцкий, так сказать, не в полной мере справлялся. Таким образом, наш коллективный Агасфер отвечал за самые важные военные вопросы. Но не только. Вы знаете, товарищи, что существуют так называемые ТС…

– Технологии Сталина, панымаишь, – вставил бывший Генсек.

– Это – часть помощи, которую наша партия получала и получает из различных источников. Чтобы не выдавать наших тайных друзей, мы договорились указывать в документах, что ТС получаем через Агасфера. Тем, кто в курсе, сразу понятно, о чем речь. Так что псевдоним сослужил хорошую службу. Так продолжалось до весны 1921 года.

Ким Петрович согласно кивнул.

– До X съезда. Лев Давыдович повел себя тогда не по-товарищески, и мы решили отказаться от использования общего псевдонима. Вождь сказал, что каждый должен отвечать за себя. К сожалению, на этом история не кончилась…

Он умолк, бросив взгляд на Лунина-младшего. Тот резко дернул головой:

– Именно! Товарищ Троцкий решил использовать «Агасфера» для личных целей. В верхах партии уже ходили слухи об этом всесильном персонаже…

– Легенды, – Сталин провел ладонью по усам. – Агасфер – марсианин, Агасфер – выходец из Атлантиды.

Николай Лунин поморщился.

– Атлантида это ерунда, товарищ Сталин. Хуже, что многие уверились будто Агасфер – один из псевдонимов Вождя. Троцкий этим пользовался, его люди, тот же «товарищ Иванов», выдавали себя черт знает за кого!

– Не черт! – бывший Генсек наставительно поднял вверх указательный палец. – А один вполне конкретный политический авантюрист, маймуно виришвили.[3] Теперь этот вопрос закрыт. Навсегда!

Широкая короткая ладонь ударила по столешнице.

– Агасфер умер, – твердо и жестко проговорил Ким Петрович. – Его больше нет. И не будет. Никогда! Вы поняли, товарищи?

Леонид сглотнул. Почудилось, будто в дальнем углу промелькнула знакомая Тень.

– Умер, – повторил он, – Агасфер умер.

– Агасфер умер, – эхом отозвался бритоголовый.

– И вы больше никогда, ни при каких обстоятельствах, ни будете о нем упоминть, – заключил товарищ Каменев. – Это понятно?

Бывший чекист вновь вспомнил Черную Тень. Товарищ Троцкий умер, это правда, но…

– А что мне делать, если ко мне опять явится этот… товарищ Иванов. Который с ударением на первый слог?

– Можете его пристрелить, – хмыкнул Ким Петрович. – Я вас прикрою.

---

[3] «Обезьяна, сын осла». Грузинское ругательство.

– Това-а-арищ Ким! – Каменев укоризненно покачал головой. – Ну что вы советуете Леониду Семеновичу? Нельзя же так шутить! Убивать никого не нужно, но вот слушать этого авантюриста и вправду не следует.

– У меня личная просьба, – Николай Лунин шагнул вперед, улыбнулся костлявым лицом. – Задержите этого типа – и сдайте в ОГПУ. Надеюсь на ваш опыт, товарищ Москвин!

Бывший чекист прикинул, как на такое следует отвечать, но его опередил бритый:

– Так точно, товарищ Лунин. Постараюсь!

Леонид только и смог, что моргнуть. Это кто же из них Москвин-то?

* * *

Часом позже, запершись в своем кабинете-келье и заварив крепкого чаю, Леонид по минутам вспомнил этот странный разговор, даже набросал на листке бумаги рисунок каменевского кабинета. Сталин возле окна, Лунин-младший – на стуле, ближе к столу, за столом – сам Лев Борисович… Думал, крутил рисунок в руках, дымил «Марсом». Все было не так, все казалось неправильным. Сталин и Ким Петрович – снова друзья-товарищи? Когда только помириться успели? И на чем, на трупе Троцкого? И что это за бритый самозванец? Николай Лунин обращался к нему, к Москвину![4] А сам Лунин-младший хорош, в принципиальность играет, фракции громит, а в кармане трубку-пароль носит!

Про Агасфера бывший старший оперуполномоченный решил пока не думать. Начальство сказало «умер» – значит, умер, примем как данность, подошьем в делу, а на полях поставим маленький-маленький вопросительный знак.

Листок с рисунком Леонид сжег в пепельнице. Спрятал пачку «Марса» в карман, достал из ящика стола кисет с табаком, раскурил трубку.

«Ой, начальничек, начальничек, отпусти на волю!»

Командировка в Париж была намечена на начало февраля. Оставалось решить самый простой вопрос:

Стоит ли возвращаться?

[4] Автор не стал бы путать уважаемых читателей, вводя персонажей с одинаковыми фамилиями и псевдонимами. Однако такова была тогдашняя реальность. «Москвиных» в советском руководстве, в том числе в ЦК и в руководстве Коминтерна, было несколько, псевдоним пользовался большой популярностью до конца 1930-х годов.

3.

Ларек оказался самым обычным, деревянным, в зеленой краске. На крыше снег, под крышей – сосульки. Слева над окошком номер на крашенной жести: «22/5». Все, как на схеме, не ошибешься. Сбоку – бумажка с кривыми буквами «Сахарина нет!», рядом с нею еще одна, типографская, с рекламой Моссельпрома. На окошке – ставень, прикрыт неплотно, щель видна.

Зотова оглянулась. Центральный рынок работал, но народу мало, и ларьки открыты хорошо если через один. Удивляться нечему: патрули на улицах, пригородные поезда отменены, перекрыт весь центр. Не каждый день Льва Революции хоронят!

Ольга, легко тряхнув портфелем, еще раз вспомнила, чему ее наставляли. Ох, уже эти нэпманы-совбуры! Ох, буржуины!.. Подошла ближе, легко ударила костяшками пальцев в дерево ставня.

– Эй, хозяева, ау! Хозяева!..

Хотя еще постучать, уже в полную силу, но ставень уже поднимали.

– Вам что, гражданка? Мы уже закрыты…

Женщина – ни молодая, ни старая, в самой серединке. Лицо круглое, в уголках бесцветных губ морщинки, белый пуховой платок на голове. Вроде и не довольна, что потревожили, а улыбается. Улыбка, между прочим, приятная.

– Здравствуйте! – бывший замкомэск улыбнулась в ответ. – Мне гражданку Красноштанову. От гражданина Федорова я, по делу.

Кажется, не перепутала, все правильно сказала. Красноштанова… Каково это – с такой фамилией жить?

– От Федорова? – женщина вновь улыбнулась, – Очень приятно. Вы заходите, дверь слева, я сейчас отопру.

Зотова кивнула, хотела усмехнуться в ответ… Замерла – на взгляд чужой наткнулась. Словно ударили ее сквозь разрисованную личину заточенным до игольной остроты штыком. Привычен был взгляд, не нов. Сколько раз смотрели так на нее, на командира Рабочей и Крестьянской, чужие глаза. Взгляд-удар, взгляд-выстрел…

…Конский топот, конский храп.

– Вперед, вперед, вперед! Полевой галоп! Руби гадов, руби!..

Эскадроны заходят во фланг. Амба врангелевской пехтуре! Три конных дивизии – локоть к локтю, так, что конским бокам тесно – тяжелым колуном рушатся на врага. Не сдержать лихого удара, не отбиться, не спастись.

Мертвецкий Гвардейский полк – против лучшего красного эскадрона, дочь полковника – против генерала. Глаза в глаза, шашки «подвысь», пальцы вровень с лицом.

Ледяные зрачки – мертвые очи Мертвого Всадника.

Ольга резко выдохнула, закусила губу. Так значит, гражданка Красноштанова? Видать, не тот тебе цвет для панталон твоих выдали, перепутала Небесная канцелярия, чужую ведомость на довольствие подписала.

Страха не было, и не таких остроглазых бывший замкомэск в пень пластала. Только обида в глубине души плеснула. Опять ее обманули! Отправили к буржуям, к нэпмачам толстобрюхим, а к кому попасть довелось? Она даже оружия брать не стала…

* * *

На Центральном рынке Столицы Ольга Зотова оказалась согласно распоряжению товарища Каменева. Не его лично – одного из референтов с длинной интернациональной фамилией. Позвонил Ким Петрович, велев зайти в Сенатский корпус, в один из кабинетов второго этажа, разыскать гражданина, выслушать, чего скажет, выполнить – и об исполнении донести. Кавалерист-девица даже обрадовалась. Все лучше, чем в кабинете круглые сутки торчать, тем паче утром ей были выданы полушубок в комплекте с мохнатой черной шапкой. Гуляй – не хочу!

Разыскала без особого труда. Гражданин с интернациональной фамилией представился, предъявил документ. Ольга внимательно изучила удостоверение (новое, с фотографией) и приготовилась слушать. Что дело предстоит непростое и не слишком приятное, интернационалист предупредил сразу.

Так и вышло. Прошлой осенью, как раз перед роковой охотой, товарищ Троцкий лично санкционировал создание некоего треста[5], причем совместного, с иностранным капиталом. Дело в свете Новой экономической политики очень полезное, однако Лев Революции, как это часто бывало, поторопился, не став ждать, пока весь центнер документов оформят. А чтобы работа шла веселее, поставил во главе не товарищей из внешнеторгового наркомата, а своих собственных сотрудников, военных и транспортников. Товарищи из ведомства внешней торговли хотели скандал учинить, но остереглись и стерпели.

Теперь, после смерти Предреввоенсовета, все изменилось. Шум намечался немалый, а потому Политбюро постановило ошибку исправить и незаконный трест ликвидировать. Зотовой предстояло самое щекотливое – сплавить за границу двоих граждан, пока на них не выписаны арестные ордера. Референт подчеркнул, что все сие не слишком законно, однако помянутые граждане весьма полезны и еще пригодятся для нужд Союза. Скандала же вокруг имени покойного товарища Троцкого следует избежать любой ценой.

Затейка Ольге не слишком понравилась, удивило и то, что ехать придется на Центральный рынок. Неужто Лев Революции с такой шушерой дело имел? Спорить, однако, не стала: командир сказал, боец выполнил. Товарищам из Политбюро виднее. Предреввоенсовета Троцкий и ей самой, красному командиру, можно сказать, не чужой.

Портфель с пакетом и все инструкции Зотовой выдали в одном из кабинетов Исторического музея – как раз в те минуты, когда товарищ Каменев, всему делу заводчик, произносил речь над покрытым красным кумачом гробом.

* * *

– Садитесь, гражданка. Сюда, на табурет.

Ларек, как Ольга и ожидала, изнутри смотрелся не слишком презентабельно. Не конура, так конюшня для не очень крупного пони. Про конюшню девушка вспомнила, узрев не стенах несколько старых хомутов. В углу стоял бочонок, все прочее место было заставлено коробками и ящиками, с надписями и без. Пахло чем-то резким, то ли креазотом, то ли дегтем, то ли всем сразу. Дверей оказалось две: та, через которую ее впустили, и еще одна, как раз напротив окошка. Значит, за стеной – еще комната, вероятнее всего, кладовка.

---

[5] Здесь и далее будет упоминаться знаменитая операция «Трест». По официальной версии «Трест» – фиктивная нелегальная организация, созданная советской контрразведкой для обмана «белой» эмиграции. Чем был «Трест» в реальности до сих пор неизвестно. Упоминаемый ниже Федоров (Якушев) – один из руководителей «Треста».

Дверь, ведущую на улицу, гражданка Красноштанова закрыла на щеколду. Вторая оказалась слегка приоткрыта.

– Садитесь, садитесь… Так значит вы от Федорова?

Голос странной женщины звучал приветливо, губы улыбались и взгляд теперь казался самым обычным. Зотова, не без сожаления вспомнив про оставленный в служебном сейфе «маузер» № 1, присела, положив на колени портфель, немного подумала и сняла шапку.

– Федорова я, если честно, не видела. Мне сказали, что он в наркомате водного транспорта служит…

Гражданка Красноштанова молча кивнув, взглянула выжидательно. Губы уже не улыбались.

– Вам вот чего, гражданка, знать требуется…

Голос сбился на хрип. Зотова прокашлялись, провела тыльной стороной ладони по губам.

– Извините… Трест ваш с сегодняшнего дня закрыт. Почему – не ко мне вопрос. Вам с гражданином Красноштановым надлежит сейчас же уехать в Ревель, во избежание, так сказать. А переговоры начальство с вашим дядей продолжит, но уже не через вас, а напрямую. Это понятно? У меня ваши паспорта, билеты и деньги на дорогу. Сейчас все это добро выдам, и распрощаемся. Вы ручку достаньте, тут расписаться надо.

Ольга хотела открыть портфель, но помешала шапка. Пока бывший замкомэск искала, куда бы ее пристроить, Красноштанова шагнула вперед. Правая рука в кармане черной шубы, губы сжаты.

– Федоров… Где Федоров? Где все остальные? Кто закрыл трест? Говорите, быстро, иначе отсюда не выйдите!..

Кавалерист-девица пристроила шапку на один из ящиков, туда же положила портфель. Встала, не торопясь.

– Вы, гражданка, эскадроном своим командуйте, а мне указания мое начальство дает.

Женщина отшатнулась, словно от толчка.

– Про эскадрон… Откуда знаете, кто рассказал?

Ольга хмыкнув, поправила полушубок и без особой спешки опустила руку в правый карман, где лежали папиросы.

– Не ошиблась, значит. А ведь обидно выходит! Я всю войну оттоптала, а выше замкомэска не поднялась. Вас-то за какие заслуги?

Красноштанова дернула губами, но сдержалась. Помолчала, затем взглянула прямо в глаза.

– Я на фронте с осени 1915-го. 3-й гусарский Елисаветградский Ее Императорского Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны полк.

Кавалерист-девица произвела несложный подсчет.

– Ага, понятно. А я только с 18-го, значит, не так и отстала. Еще бы годик, в равных чинах ходили. Мне, между прочим, эскадрон два раза обещали, да у начальства ко мне все время вопросы возникали. Прямо, как вас.

Женщина отвернулась, вновь помолчала.

– Значит, в коннице служили? А я думала, в «чеке» кнутобойствовали.

На такое Зотовой и отвечать не хотелось. В хорошенькое же дело ее втравили, отправив прямиком к недорезанной контре! Но даже не это обидно. Это кто ж ее попрекать вздумал?

– А вы идейная, значит? Идейные, гражданка, в таврических степях насмерть бились. Их я уважаю, пусть они и мировому пролетариату враги. А вы, извиняюсь, спекулянтка, и я сейчас вас от домзака спасаю. Так что никакой у вас идейности, а сплошные товаро-денежные отношения, как и учит нас товарищ Карл Маркс.

Достала конверт, бланк расписки сверху пристроила.

– Получите, стало быть, и распишитесь.

Красноштанова резко обернулась:

– Что вы мелете? Почему – спекулянтка? Да что вы вообще понимаете в идеях – и в тех, кто идее служит? Вы только и видели, что своих комиссаришек, у которых вместе идеи – спирт с кокаином!

Зотова понимающе кивнула:

– Знакомо, как же. Как захватим ваш штаб, так непременно кокаин обнаружится. То банка, то две, а то и целая дюжина. Под Александровском помню… Так что по себе не судите, гражданка. А идейных я навидалась, что наших, что ваших. С настоящими, между прочим, и поговорить можно по-людски.

Ольга вспомнила Семена Тулака, поручика недорасстрелянного. Вот этот – и вправду идейный. И еще умный, пусть и враг, но в трех политических соснах не плутает, разбирается. А еще хорошие стихи знает, про таких же идейных.

Сказать? А почему бы и нет?

– У меня, гражданка Красноштанова, знакомый есть, офицер бывший. Правильный он, пусть и чужой. Из настоящих, которые за летучим тигром шли.

Ответом был недоуменный взгляд. Бывший замкомэск усмехнулась.

– Стихи есть такие, их какой-то ваш прапорщик написал, фамилия его вроде как Немировский. Красивые стихи, между прочим.

– Столицы в расходе, как в бурю облака.
Надгробные игры сыграли в синеве.
И в горы уходят неполных три полка,
летучего тигра имея во главе.

Матросы по следу, шенджийцы впереди,
повозки и кони сплелись в гнилую нить,
и прапор к победам шагает посреди,
еще ничего не успевший сочинить…

Стальной взгляд, взгляд-штык внезапно стал совсем иным. Бесцветные губы шевельнулись:

– Счастливая доля – вернуться с той войны.
Контужен в походе – награда от богов.
Вчистую уволен от службы и страны,
навеки свободен от всех своих долгов.[6]

Женщина дрогнула голосом, отвернулась.

– Вы знали Сашу Немировского? Это был гениальный юноша, щелкал восточные языки, как орехи, за два дня выучил цыганский, чтобы общаться с этими шенджийцами. Его хотели оставить на кафедре, но Александр пошел добровольцем на фронт.

Зотова покачала головой.

– Немировского я не знала. Его стихи мой знакомый любит, который бывший офицер.

Красноштанова выдернула правую ладонь из кармана. Миг – и рука бессильно повисла вдоль тела. Женщина с помощью левой подняла ее, вложила обратно в карман, взглянула на гостью.

[6] Стихи Александра Немировского.

Зотова не слишком удивилась. Тесен мир!

– Вроде бы он и есть. У него еще дядя деньги считать умеет.

– Слава богу…

Красноштанова, тяжело вздохнув, присела на табурет.

– А я вас чуть не застрелила. За полчаса до вашего прихода принесли записку от одного верного человека. Он предупредил, что сюда может прийти агент ГПУ, скорее всего, женщина…

– ОГПУ, – не думая, поправила бывший замкомэск. – ГПУ – это раньше было, до прошлого ноября.

– ОГПУ… А тут вы, да еще с такими новостями. Что я могла подумать? Хорошо еще, Семена Петровича… бывшего офицера вспомнили. Погодите, да он же о вас рассказывал! Он служил у большевиков вместе с девушкой, которая воевала в кавалерии, была ранена…

– Ага, – кавалерист-девица встала, протянула ладонь. – Я и есть, Зотова Ольга Вячеславовна.

– Мария Владиславовна. Фамилию называть не буду, у меня их слишком много.

Пожатие было сильным и коротким, словно удар ножа.

– Итак, вы служили вместе с Семеном Петровичем в одном департаменте… Но ведь это – Центральный Комитет, правильно?

– Служили, – не стала спорить Ольга. – А вот где именно, запамятовала.

Мария Владиславовна поморщилась.

– Бросьте! И так законспирировались дальше некуда, своя своих не познаша. Федоров говорил, что у треста есть люди в большевицком ЦК, но фамилий не называл…

Зотова поняла, что пора закругляться. И так наговорено слишком много, в два отчета не вместится. Надо бы разъяснить товарища референта на предмет подобных поручений. Прямо шпионы какие-то!

…А может, и в самом деле шпионы? Ольга почувствовала, как по спине бегут мурашки. А что ж ей тогда про трест да про внешнюю торговлю мозги компостировали? Надо сразу же идти прямо к товарищу Каменеву… Нет, лучше к Киму Петровичу! Или не лучше?

– Мария Владиславовна, я вам сейчас еще раз все перескажу, а вы конверт возьмете, с содержимым ознакомитесь и подпись на бланке поставите.

– Погодите…

Женщина подошла к приоткрытой двери, легко ударила костяшками пальцев. Дверь заскрипев, медленно приоткрылась. На порог шагнул некто в расстегнутом тулупе, меховой шапке, надвинутой на самые брови – и с «наганом» в руке, почему-то в левой.

– Прошу любить и жаловать! Георгий Николаевич, мой супруг. А это – Ольга Вячеславовна, нам о ней Семен рассказывал.

Супруг послушно кивнул и, не пряча оружия, протянул руку, дохнув тяжелым перегаром.

– Гоша. Очень приятно, сударыня… По-моему, наша гостья права, нужно уходить, причем немедленно. Провал, как я понимаю, полный, а о деталях будет время поговорить в Ревеле, а еще лучше в Париже.

Бывший замкомэск облегченно вздохнула. Хоть кто-то умный встретился!

Немного успокоившись, девушка вдруг сообразила, что здесь не только шпионское гнездо, но и, как ни крути, нэпманский ларек. Когда еще на рынок выбраться удасться. Хомуты ей, правда, без надобности, но кое-что иное…

– Эй, граждане, – воззвала она. – У вас тут цены как, не слишком кусаются?

4.

Товарищ Москвин навел пистолет на дверь, нажал на спусковой крючок.

Щелк!

«Бульдог» можно было прятать, но Леонид не спешил. Оружие в руке успокаивало, придавало уверенность. Просто так не схарчат раба божьего, кровью умоются. Первого же, кто шагнет на порог! Потом второго, если повезет, третьего…

Бывший старший уполномоченный дернул щекой. Ерунда, не поможет! Если уж отбиваться, то не «бульдогом», а привычным «маузером» № 2, чтобы пуля с ног сбивала. И в кабинет ломиться не станут – пригласят в канцелярию, скажем, бумажку подписать, там и возьмут, чисто и незаметно. Или даже в кабинете Кима Петровича, отчего бы и нет? Сам бы он точно так распорядился, если бы имел приказ на задержание врага трудового народа Пантёлкина-Москвина.

Итак, пистолет вычищен, оставалось прибрать ветошь и как следует вымыть руки. Больше делать нечего. Со службы так и не отпустили, пообещав дать в конце пятидневки сразу два выходных подряд. Можно было остаться во временном штабе – принимать же донесения о городских делах, но и там наступило затишье. Похороны Красного Льва прошли истинно по-революционному, без провокаций и происшествий, представители трудящихся организованно отправились по домам. Скучный голос из ведомства Муралова докладывал одно и то же: на улицах Столицы полный порядок, патрули мерзнут, пятерых уже отправили в госпиталь, причем одного с подозрением на воспаление легких.

Все звонки и составление рапортичек Леонид без особых зазрений совести перевалил на заместителя – незаменимого Сашу Полунина, бывшего комбатра, сам же отправился в Чудов монастырь, решив поскучать в собственном кабинете. Телефон здесь тоже имелся, равно как принадлежности для чистки оружия и новый кожаный диван, недавно одолженный в хозяйственной части. К сожалению, всё понимающая ремингтонистка Петрова, первый и главный претендент на знакомство с диваном, отсутствовала, будучи отправлена в тарифный отпуск. Начальник научно-технической группы по этому поводу слегка погоревал, но недолго. Он уже давно понял, что от судьбы нельзя требовать всего сразу.

Руки вымыты, вытерты насухо вафельным полотенцем. На стол легла знакомая фотография.

…Гряда черных холмов на горизонте, серые песчаные дюны, узкая полоска морского берега. Ни травы, ни деревьев, вместо них – неровный ряд каменных призм, похожих на воткнутые в песок карандаши. Внизу, у самого обреза, надпись синими чернилами: «Гранатовая бухта. 15 мая, 7-го года. Тускула.».

Фотографий в сейфе накопилась уже больше дюжины, но эту, первую, товарищу Москвину нравилась больше всех прочих.

«…Одна из планет называется Тускула, и как раз туда вы сможете попасть довольно скоро. Кстати, представлюсь. Моя партийная кличка – Агасфер, но сейчас меня чаще называют Ивановым. Ударение на первом слоге, по-офицерски.»

Есть Агасфер, нет его, но далекая планета – вот она, протяни руку…

Под новый, 1924-й год, бывший старший оперуполномоченный получил неожиданный подарок. Бокий прислал в большой запечатанном конверте целую кипу бумаг – протоколы допросов Владимира Берга. Новая власть на Лубянка не церемонилась, профессор заговорил, да так, что стенографисты не поспевали. Протоколы читались, словно американский фантастический роман, вот только про Тускулу нового оказалось до обидного мало. Берг рассказал о своем покойной брате, одном из создателей установки «Пространственный Луч», о

его учителе – академике Глазенапе, даже о том, как и в честь чего далекая планета получила свое имя. Все это было очень любопытно, но ни на шаг не приближало к цели.

Товарищ Москвин вспомнил пункты набросанного им еще осенью, в прошлом ноябре, плана. Почти все намеченное выполнено. Материала по Парижскому центру, где собрались руководители Российской Междупланетной программы, собрано немало. По Александру Михайловичу, царскому дяде, документы вообще убойные, хоть сейчас вербуй. И адреса есть, и приметы. Выбраться бы только в Париж!

Беседа с неприятным человеком Николаем Луниным оказалась куда менее результативной. Заместитель Председателя ЦКК РКИ отмалчиваться не стал, но и сказал немного, не более того, что было в старой докладной по поводу гибели его друга Степана Косухина. Леонид мог лишь в очередной раз пожалеть, что нельзя поговорить с самим Косухиным. Тот знал куда больше – и не молчал. Эх, не было рядом с ним чекиста Пантёлкина, вдвоем бы они точно на Тускулу прорвались!

А еще бывший старший оперуполномоченный очень жалел, что не дано ему как следует допросить загадочного товарища Иванова. С этим бы он миндальничать не стал, по полной чекистской программе обработал. Сначала – измордовать до щенячьего визга, потом к расстрельной стенке толкнуть. Пусть прочувствует, вражина! Стрелять не холостыми – настоящими, чтобы крошка от штукатурки летела. А потом и поговорить можно, основательно, ни одной мелочи не пропуская.

Товарищ Москвин усмехнулся. Мечты, мечты!

В общем, почти все сделано. Главное, чтобы во Францию отпустили, не перехватили последний момент. Вновь вспомнилась прицепившаяся, словно репей, песня. Эх, начальничек, начальничек…

Течет, во, течет речка да по песочечку,
Бережок, ох, бережочек моет,
А молодой жульман, ох да молодой жульман
Начальничка молит…

Грустная песня, сплошной пессимизм. Не повезло бедняге жульману! Но и начальник не много выгадал. В том же питерском домзаке Леонид слыхал такой куплет:

– Ходят с ружьями курвы-стражники
Длинными ночами,
Вы скажите мне, братцы-граждане:
Кем пришит начальник?

Бандит Лёнька Пантелеев по кличке Фартовый оскалился в недоброй усмешке. А вы как думали, гражданин начальник-начальничек, ключик-чайничек? «Стволы» и «перья» не только у легавых в наличии.

То-то!

Стук в дверь. Фотография Гранатовой бухты беззвучно упала в ящик стола.

– Да-да, войдите!

– Холодно очень, товарищ Москвин. Если бы ты знал, как холодно!..

Товарищ Климова шагнула на порог, расстегнула полушубок, не глядя, кинула на диван. Следом полетела шапка, за нею – рукавицы.

– Какие же люди суки, Лёнька! Везде суки, что у нас на малине, что у вас в «цека»…

Подошла к стулу, но садиться не стала, на спинку облокотилась. Достала из кармана зеленой гимнастерки пачку «Иры» долго щелкала зажигалкой.

Леонид терпеливо ждал. На улице и в самом деле гулял лютый мороз, но «холодно» – это еще и пароль на крайний случай.

Папироса, наконец, зажглась. Леонид пододвинул пепельницу поближе и сам закурил. Не трубку («Bent apple» при чужих светить не следовало), а привычный красно-черный «Марс».

– С-суки! – девушка резко выдохнула дым, зашлась в кашле. – Пристрелила бы гада!..

Затушила папиросу, поглядела прямо в глаза:

– Рудзутака знаешь? Да что спрашивать, это же твой начальник в Техсекторе! Кабан чухонский!.. Зайдите, товарищ, говорит, в кабинет, дело есть важное. Дело у него прямо на столе, при двух стаканах. Самогон грузинский, желтый, словно моча. Как его там? Чуча?

– Чача…

Товарищ Москвин понимающе вздохнул. Ян Эрнестович Рудзутак ко всем своим достоинствам еще и крепко попивал. В последнее время – даже на рабочем месте. Поговаривали, что вопрос о его переводе из Столицы куда-то на Дальний Восток уже решен. Отсюда и «чуча».

– Пить я, понятно, не стала, а он стакан навернул – и под юбку полез. Я его по рылу, а он, гад, руку заломил – и к дивану тащит, на ходу галифе расстегивает, достоинство свое кажет, урод…

Леонид открыл левую тумбу стола, где ждала своего часа бутылка польской вудки. «Чучу» ему тоже предлагали, но желтый цвет сразу отпугнул.

Две серебряные стопки с чернью, на Тишинке по случаю купленные…

Мурка выпила залпом, привычно поднесла к носу рукав гимнастерки, нюхнула.

– Закуска у тебя, Леонид Семенович, отроду не ночевала. Ничего, мануфактуркой обойдемся. А у чухонца твоего, Рудзутака, апельсины в вазе, небось, по червонцу штука… Понятно, я ему всю сладость обломала – двинула коленом куда следует, а потом еще разок, для верности. Пока он по ковру катался и мяукал, я к двери проскочила. Ну, что же это за дела, Лёнька? Когда меня Пан с дружками по кругу пускал, с него, с бандита, какой спрос? А с этого кабана? Он же самому Вождю вроде как друг-приятель!

Бывший чекист вновь наполнив стопки, взял свою, на чернь узорчатую поглядел.

– Отвечать нужно? Или сама ответ знаешь?

Мурка фыркнула, потянулась за стопкой. На этот раз пила не спеша, небольшими глотками, словно героиня из иностранной фильмы про высший свет. И палец уже не отставляла, держала правильно.

– Вот и говорю: суки они все, Леонид Семенович, взять бы кровельные ножницы да лишнее им отчекрыжить… А ты знаешь, почему этот кабан с рельс съехал?

Товарищ Москвин хмыкнул. Невелика тайна!

– Снимать его будут. Рудзутак нужен был Троцкому – чтобы Кима Петровича подальше от Техсектора держать. А еще Вождю, как верный человек. Троцкого уже нет, Вождь болен. Снимут – и скоро!

– Уже! – Мурка белозубо улыбнулась. – Час назад. Вот он и стал тризну править. И сектор хотят разогнать, говорят, не нужен больше.

Леонид молча кивнул. И об этом слыхали. Умные люди шептались, что техгруппа, а потом и сектор нужны были товарищу Киму для контроля над ЦК. Теперь же, когда он сам – власть, лишние инструменты ни к чему. Вдруг кто иной воспользоваться вздумает?

– Не все ты знаешь, красивый. Не разгонят Техсектор, сократят – и нового начальника поставят. Сказать кого?

Маруся Климова взглянула хитро, и бывший чекист внезапно сообразил, что и «суки», и гнев на сластолюбивого товарища Рудзутака – всего лишь повод, чтобы в дверь постучаться. А он-то хорош! Расчувствовался, только что слезу не пустил.

– Как хочешь, – бросил равнодушно. – Днем раньше узнаю, днем позже…

– Скажу, скажу, красивый! – девушка встала, потянулась вперед. – Разве я от тебя, Лёнечка, что-нибудь скроешь? Ты ведь Фартовый, верхним чутьем на ходу все ловишь. Только не тайна это, прав ты, конечно. Подумаешь, Техсектор, эка невидаль! А то, что Третий отдел, Цветочный, тот самый, где наш Ким Петрович – царь и бог, расформируют – это знаешь?

– Что?!

Леонид зачем-то потянулся к пустой стопке, затем опомнился, отдернул руку. А Мурка уже улыбалась во весь зубастый рот.

– Видишь, какой я полезной бываю? Ты, Леонид Семенович, конечно, король, но и я – не «машка».

Ответа дожидаться не стала, еще ближе наклонилась:

– Лёнька Пантелеев, сыщиков гроза,
На руке браслетка, синие глаза.
У него открытый ворот в стужу и в мороз
Сразу видно, что матрос.

Товарищ Москвин слабины не дал. Выпрямился, улыбнулся в ответ – да на стул кивнул.

– Вы присаживайтесь, товарищ Климова. Если есть что рассказать, не стесняйтесь, время у нас есть. А не хотите – и не надо, и без ваших секретов проживем.

Заряженный «бульдог» лежал в ящике стола, рядом с тускульской фотографией. Оно и к лучшему – спокойнее будет.

* * *

Последние пару месяцев товарищ Москвин старался держаться от Мурки подальше. Даже встречаться почти перестал, только однажды вместе в «Метрополь» заглянули. Объяснил просто: слишком они на виду. Лучше переждать, судьбы не искушая.

Гражданка Климова спорить не стала, лишь поглядела с насмешкой. Или страшно тебе со мною, Лёнечка?

Бывший бандит Фартовый не боялся – и не таким ушлым в спину стрелять приходилось. Но ухо востро держал – уж больно быстро набирала силу бывшая рядовая сотрудница экспедиции.

В Горках Леонид комендантствал недолго, неделю всего. Навел порядок, да и распрощался не без облегчения. Однако насмотреться успел. Мурка стала там своей, чуть ли не родственницей. То, что Мария Ильинична не делала без нее и шагу, еще ничего, но гражданка Климова была одной из немногих, кого пускали к больному Вождю. Товарищ Москвин попытался поговорить с Дмитрием Ульяновым, но тот и слушать не стал. «Марусе-цыганке» он полностью доверял.

Без всякого удивления товарищ Москвин узнал, что Мурка успела стать кандидатом в члены РКП(б), а заодно и внештатным корреспондентом «Правды». Теперь, когда намечался внеочередной призыв в партию – в память о почившем товарище Троцком – нужные «корочки» товарищу Климовой обеспечены.

Но все это мелочи, решила девка карьеру сделать, и ладно. Но было и другое, куда более серьезное.

После разговора в кабинете товарища Кима – того, где решена была судьба Ларисы Михайловны – Леонид принялся ждать. Начальник крови не хотел, и пуля в подворотне бывшей знакомой Гумилева не грозила. Что могла придумать Мурка? Бывший чекист прикинул,

что на ее месте он пригласил бы троих громил с Хитровки, дабы уложить Ларису Михайловну в лечебницу минимум на полгода. «Tani ryby – zupa paskudny, towarzyszy»[7] – сказал бы покойный Дзержинский. Да, грязная работа, зато нужный результат налицо: и жива тетка, и не при делах.

Неприятности, однако, начались не у Ларисы Михайловны, а у непотопляемого товарища Радека. Центральная контрольная комиссия принялась изучать весьма пикантный вопрос: на что потрачены средства, вложенные в так и не состоявшуюся Германскую Революцию. В коридорах Главной Крепости знающие люди удивленно разводили руками – такого не бывало с самого 1919-го года, с создания Коминтерна. Расходы на Мировую революцию решено было не контролировать, ибо такую великую цель оправдают любые траты. К тому же за коминтерновскими агентами маячила тучная тень Григория Зиновьева, болезненно и чутко реагировавшего на всякое вмешательство в свою епархию. На этот раз дела пошли иначе. На пленуме ЦКК с громовой речью выступил Николай Лунин, обвинивший Радека в самой вульгарной уголовщине. Ушлый Крадек умудрился организовать несколько каналов контрабанды, используя, разумеется, сверхсекретные каналы Коминтерна. Часть купленного на партийное золото шло напрямую в Питер, правда, не самому Зиновьеву, а его супруге, товарищу Лилиной.

Особенно возмутил участников пленума список того, что закупалось в Германии, шелковые и фильдеперсовые чулки, дамские жакетки, мужской одеколон и даже американские «кондомы».

В прежние времена Зиновьев затоптал бы правдолюбцев, но Вождь, его друг и опора, был болен, Сталин же, союзник в борьбе против Троцкого, не имел прежней силы. Григорий Евсеевич, однако, не растерялся, взвалив всю вину на Радека, посмевшего обмануть его доверие, равно как доверие партии.

Дело все же раздувать не стали, дабы не радовать мировой империализм. Крадек, тоже видавший виды, сослался на не слишком чистоплотных агентов, вины же не признал, отговорившись необходимостью получением наличных денег для негласного финансирование германских товарищей.

Все так бы и затихло, но тут подала голос немецкая пресса. Социал-демократическая газета «Vorwarts» начала печатать фельетоны, посвященные похождениям Крадека в Германии. С немалым вкусом описывались попойки и кутежи, в ходе которых налево и направо швырялись североамериканские доллары и золотые червонцы с портретом бывшего императора Nikolaus`a. Неизменной спутницей разгульного агента Красной Столицы была некая Frau Larissa, любительница бриллиантов, ванн с шампанским, а также юных танцовщиков и танцовщиц.

Фельетоны в «Vorwarts» сопровождались иллюстрациями, не только отменно исполненными, но и весьма узнаваемыми. Frau Larissa (во всех тех же фильдеперсовых чулках) выглядела бесподобно. Когда один из номеров ревизионистской газеты попал на стол товарищу Москвину, тот лишь головой помотал. Организовать такое, имея знакомства в «Правде», было, конечно, возможно, но каков размах!

Ай да Мурка, Маруся Климова!

Первым не выдержал чуткий Крадек, сбежав к законной жене. «Известия», где регулярно печаталась Лариса Михайловна, не пожелали ее больше знать, в ЦКК завели «дело», а всесильная Ольга Каменева, хозяйка главного столичного «салона», перестала пускать нагрешившую Frau на порог. В довершение всего по рукам стала ходить развеселая пьеска

[7] Дешевая рыба – плохая юшка *(польск.)*

«Пессимистическая комедия», в которой описывали срамные похождение дамочки-комиссарши в компании анархистских матросов.

Но это было еще полбеды. Однако совсем недавно, в январе наступившего 1924 года, когда страна каждый день читала бюллетени о состоянии здоровья Льва Революции, из Британии, цитадели мирового империализма, пришла еще одна весть. Молодая, но уже очень известная скульпторша Клэр Шеридан, не так давно приезжавшая в Советскую Россию, напечатала воспоминания о своих встречах с товарищем Троцким. Председатель Реввоенсовета предстал перед читателями истинным Ланцелотом, окруженным, однако, толпой мерзавцев, воров и убийц. Особенно возмутительно выглядел эпизод с некоей «комиссаршей Ларисой», штурмовавшей скромную походную постель Троцкого в самый разгар битвы за Казань. Лев Революции, естественно, отверг сластолюбивую фемину, которой пришлось утешиться в глубинах матросского кубрика.

Неделю назад Леониду рассказали в курилке, что «комиссаршу» направили в санаторий, то ли с нервным расстройством, то ли даже после «удара». Знающие люди были уверены, что после выздоровления Frau Larissa не сможет вернуться в Столицу. В лучшем случае ее отправят «на низовку», и хорошо еще в Казань, а не на афганскую границу.

Бывший старший оперуполномоченный итог работы товарища Климова оценил очень высоко, самокритично признав, что его идея с хитровскими громилами на этом фоне выглядит весьма бледно. Ким Петрович, который и познакомил его с публикацией болтливой скульпторши (и даже перевел с английского самые удачные фрагменты), горестно развел руками. Цветочному отделу будет очень не хватать Гондлы. Увы, ничего поделать нельзя.

С Гондлой было покончено. Теперь наступил черед самого Цветочного отдела.

* * *

Леонид затушил в пепельнице очередную папиросу, без всякой радости взглянув на черно-красную пачку. Чуть не половину выкурил. Неудивительно – под такой разговор! Хорошо еще догадался вудку спрятать, иначе бы двумя стопками не обошлось.

– Понимаю так, – вздохнул он. – Отдел товарища Кима выполнял личные распоряжения Вождя. Сейчас идет смена власти, в Политбюро опасаются, что отдел вмешается и продавит своего человека. Вождь в нынешнем раскладе уже лишний.

Товарищ Москвин на миг прикрыл глаза. Горки, небольшая полутемная комната в боковом флигеле, мебель в светлых чехлах – и маленький человечек в глубоком кресле. Потухшие глаза, искривленный судорогой рот, недвижная гипсовая маска вместо лица. Живы только губы, но и они шевелятся безмолвно.

Председатель Совнаркома был уверен, что даже мертвый сможет приказывать партии и стране. Маленький человечек еще жив, но его воля уже ничего не значит. Леониду почему-то думалось, что Ким Петрович останется верен Вождю, не предаст. Или это – игра? Отдел формально распустят, но все останется по-прежнему?

– Ты не хмурься, Леонид Семенович! – ладонь Мурки на миг коснулась его щеки. – Морщинки будут, а ты молодой еще, красивый. Не о том ты думаешь. Пусть Ким Петрович за власть дерется, ты про Францию вспомни, про то, что мне обещал. Или забыл?

Рука привычно коснулась папиросной пачки. Отдернулась. Лучше не курить, и так во рту горько.

– Не забыл, товарищ Климова. Съезжу во Францию, погляжу, что и как…

– Без меня, значит?

Мурка встала, обошла стол. Леонид тоже поднялся.

Лицо к лицу, глаза к глазам.

– Обещанного три года ждут, правда, Лёнечка? Терпеливая я, только каждому терпению предел положен. А я ведь и осерчать могу. Ты меня всякой видел, а вот осерчавшей – еще нет. Хочешь увидеть?

Бывший бандит по кличке Фартовый дернул губами:

– Басишь, «машка»? Запарилась, что ли? Рогами шевелишь, будто длинная очень? За крик не по чину в перья ставят и маслинами кормят. Номер твой – шестой, свистну, тогда и привехряешь.[8]

Мурка усмехнулась в ответ:

– Убедительно очень, Леонид Семенович, страшно прямо. В театр бы тебя, который МХАТ, зрителей пугать. И учти, мне не только деньги и чистые документы нужны.

Вновь руку протянула, словно погладить желая.

– Мало этого мне, Лёнька, мало!

[8] Блатная «феня» 1920-х годов. Можно перевести так: «Обнаглела, шлюха? Много о себе возомнила, что ли? Уверена, что большим человеком стала? За разговор не по чину режут и пулями угощают. Твое дело маленькое, свистну – тогда и прибежишь».

Глава 2. Наследство Льва

1.

За дверью ждал мороз – накинулся, впился в сжимавшие портфель пальцы. Соскучился, видать. Ольга, в который раз вспомнив о так и не полученных казенных рукавицах, мысленно обругала себя за подобный афронт. Забыла она, бывший замкомэск, службу, слабину показала. В армии бы с кровью у интендантов вырвала, да еще припечатала бы тройным революционным с присвистом.

Увы, посреди опустевшего рынка ругаться было не с кем, и девушка неспешно побрела к выходу, чувствуя себя совершенно по-дурацки. Словно в синематографе побывала, но не в зрительском зале, а прямо в фильме. И не поймешь, что за фильма такая: то ли комедия, то ли драма про шпионов, а может, и то и другое разом.

Одно хорошо – дело сделано, умотали граждане Красноштановы, даже ларек запирать не стали. Но, как говорится, хорошо, да не очень. А вдруг гражданин из секретариата Каменева – белогвардейский шпион? Пробрался на должность, и ее в беду втравил. И рассказать некому. Товарищ Каменев наверняка знает, а Киму Петровичу докладывать нельзя, сама же за секретность расписывалась.

Куда ни кинь, всюду плохо выходит. Пытаясь выбить клином клин, девушка прикинула, что уже завтра придется возвращаться в отдел, где ее ждут – не дождутся письма про Вечный двигатель и Пролетарскую Машину времени, а заодно и орлы-комсомольцы, взявшие за привычку хихикать в спину «старухи». Не к месту вспомнился белый офицер товарищ Тулак. В прошлую встречу, выслушав про невеселые дела в Техсекторе, Семен мягко намекнул, что мир велик и за стенами Главной Крепости не заканчивается. На польской границе есть верное «окно», во Франции же устроиться не так ли трудно, если знаешь язык и работы не боишься.

Кавалерист-девица намека не поняла, а вот теперь крепко задумалась. Не о буржуйской Франции, конечно, нечего ей, члену РКП(б) с 1919 года, там делать. Но и на Волге, оттуда она родом, люди живут. Можно сдать экзамены за последний класс гимназии («десятилетки», если по-нынешнему), потом, подучившись, поступить на рабфак. Когда-то гимназистка Оленька Зотова мечтала окончить восьмой, педагогический, класс, чтобы стать народной учительницей. Разве плохо? Или стране учителя больше не нужны? Все лучше, чем дурацкие бумажки перебирать!..

А еще можно поступить на исторический, к строгому профессору Белину. И в экспедицию съездить, на розовые камни Шушмора вновь поглядеть. А еще лучше куда-нибудь подальше, например, на Землю Санникова, про которую Пантёлкин рассказывал. Уговорить Родиона Геннадьевича – да и махнуть вместе. Вдруг на этой земле его дхары живут?

– Гражданка! Стойте, гражданка!..

Ольга без всякой охоты обернулась. Ларек слева, ларек справа, выход – каменные ворота в облупившейся краске – совсем рядом.

…Двое – один ошую, одесную другой. Полушубки одинаковые, короткие, словно обрезанные, и шапки одинаковые, и кожаные ремни. У того, что слева – рука в правом кармане.

– Гражданка!..

Зотова послушно остановилась. Тот, у которого рука в кармане, уже совсем близко. Спешит, свежий снег валенками загребая. Ну, беги, беги…

– Ай, черт!..

Промахнулась, но не слишком – целила портфелем в нос, в подбородок попала. Добавила подошвой ботинка в колено…

Н-на!

– Стой! Стреляю!..

Бывший замкомэск вновь не стала спорить. До ближайшего ларька она уже добежала.

– Стою!

За спиной – холодные доски, в левой руке, к поясу поближе – портфель, замок уже расстегнут. Двое в полушубках рядом. Один оружие достал, второй не успел, колено ушибленное гладит.

– Так чего, граждане? Стреляем – или как?

В правой руке – тяжелый брусок, бечевкой обвязанный. Сквозь порванную бумагу что-то черное бок свой кажет.

– Взрывчатки здесь – фунт целый, на всех хватит. Разнесет – год собирать будут. Ну, чего стали? Оружие бросить, руки поднять!..

Оружие бросать не стали, но и с места не сдвинулись, заслушались, видать. Зотовой и самой понравилось. Давненько по душам говорить не приходилось! И горло отпустило, чисто голос звучит, по всем рынке, поди, слышно.

– Мы из ОГПУ! – не слишком уверенно проговорил ушибленный.

Замкомэск оскалилась:

– Из хре-не-у. Вы чего, в форме? Или мандат предъявили? Дернетесь – и вас в небесной канцелярии устав наизусть учить заставят до самого Страшного Пролетарского суда… Ни с места, я сказала!..

Для пущей верности Ольга шагнула вперед, качнув бруском в воздухе. Тот, что был слева, отшатнулся.

– Гражданка! Вы своим поведением усугубляете…

Не договорил, на брусок взглянул. Второй все еще колено гладил, похоже, попала удачно, в нужную точку. Кавалерист-девица, решив ковать железо, пока горячо, поудобнее перехватила замотанный в газету предмет. Кидать надо в левого, потом – сразу вперед, к дорожке…

– Что здесь происходит? Немедленно прекратить!..

Эх, не успела! Еще двое – высокий и плечистый в таком же полушубке и пониже, в темном пальто, со стеклышкам на носу. Очки? Нет, пенсне, словно у меньшевика с плаката.

– Гражданка, вы бы мыло спрятали.

Тот, что повыше, понимающе усмехнулся, не иначе, тоже оценил. Лицо внезапно показалось Ольге знакомым – то ли в Главной Крепости встречались, то ли во Внутренней тюрьме на Лубянке. Красивый парень, видный, не то, что этот, в пенсне.

Мыло, дегтярное, с березовой чагой, для бани незаменимое, прятать все же не стала, просто руку опустила. Гражданка Красноштанова хотела подарок сделать, но Зотова, характер проявив, расплатилась согласно прейскуранту.

Знакомый парень между тем что-то шептал на ухо другому, который в пенсне. «Меньшевик», дослушав, поморщился и посмотрел на горе-агентов, что уже успели отступить к самой дорожке:

– А ну, пошли вон!

Те и пошли, причем весьма резво, несмотря на то, что ушибленному пришлось даже не хромать, а подпрыгивать на одной ноге. Скромное дегтярное мыло и вправду оказалось вещью, совершенно незаменимой.

«Меньшевик» бросил кислый взгляд на отступающее воинство, затем, резко повернувшись, блеснул стеклышками:

– Зотова, значит? Это какая Зотова? У которой дочка генерала Деникина проживает?

Не проговорил – прокаркал. Голос резкий, непривычный – и недобрый, с таким только расстрельным взводом командовать.

Стало ясно: Ольгу узнали. Сообразила девушка и насчет голоса. Акцент у товарища, почти такой же, как у Генсека Сталина, даже еще заметнее. «Меньшевик» между тем продолжал разглядывать сквозь пенсне скромную личность бывшего замкомоэска. Вид у него при этом был, словно после съеденного пайкового лимона.

– Слюшай, Зотова! А почему ты за деникинский дочкой не следишь? У нее по русскому языку – сплошные, понимаешь, тройки. А еще в гимназии училась.

Кавалерист-девица решила не провокацию не поддаваться, но все-таки не сдержалась.

– А ты бы, товарищ, учебники для начала сравнил. В гимназическом все на месте, а в этом, новом, даже причастных оборотов нет. И на шкрабов[9] поглядел бы, они из тех, что «корову» через «ять» пишут. А система эта – бригадная? Учат все по-разному, а отметка по худшему ставится.

Подумав немного, вздохнула:

– Вины своей не отрицаю. Мы уже с Наташкой насчет дополнительных занятий договорились. А про Деникина-гада слушать даже не желаю. Не дай бог при девке скажете, я вам эти шуточки без солидола кой-куда вкручу.

На узких губах «меньшевика» проступило нечто, издали напоминающее улыбку.

– Страшная какая, да? Сыроежкин, спроси у гражданки почему она так себя с ОГПУ ведет? Мы таким враз горло ломаем.[10]

У симпатичного парня и фамилия оказалась под стать. В попугая Сыроежкин играть не стал, лишь взглянул выразительно. Бывший замкомэск даже ухом не повела.

– Сначала, граждане, мандат, а потому уже вопросы. Или без Дзержинского у вас на Лубянке службу забыли?

– Какой бюрократ, слюшай, – восхитился «меньшевик». – Бумажкам верит, людям не верит.

Сырожкин, шагнув вперед, достал из глубин полушубка книжицу в красном сафьяне.

– Прошу!

На фотографии товарищ оказался еще симпатичнее да и моложе на пару лет. А вот должность занимал такую, что Ольга едва удержалась, чтобы не присвистнуть.

– Ничего себе! Да что случилось-то, товарищ заместитель начальника оперативного отдела Главного Управления?

Сыроежкин молча развел руками. Ольга, спрятав мыло в портфель, достала свое удостоверение на хрустящей пергаментной бумаге. Заместитель начальника сам смотреть не стал, отнес «меньшевику». Тот снял пенсне, поднес бумагу к глазам.

– Это мы, Зотова, у тебя спросить должны. Ты же руководитель группы при Техсекторе ЦК. А здесь чего делала?

– Мыло покупала, – буркнула девушка. – А с прочими вопросами в ЦК обращайтесь. В письменном виде и в трех экземплярах.

«Меньшевик» вновь скривил губы, Сыроежкин же укоризненно покачал головой.

– Это наша операция, Ольга Вячеславовна. Вмешательство со стороны может все погубить. А если бы вас убили?

Кавалерист-девица доброту и участие не оценила.

– Угу, заботливые, поняла. Чья это операция, Центральному Комитету виднее. Или вы карательные органы поверх власти партийной ставите? А если мешали вам эти Красноштановы, то могли бы сразу их взять, меня не дожидаясь.

---

[9] Шкрабы – школьные работники. Принятое в те годы сокращение.

[10] Данный исторический персонаж изъяснялся именно так.

– У тебя, Зотова, не спросили, – каркнул в ответ «меньшевик». – Видал, Сыроежкин, чего у вас Столице делается? Дочка Деникина русского языка не знает, всякие нахалки нас оперативной работе учат. Не хотел сюда приезжать, как чувствовал!

– Документы и билеты Красноштановым должен был доставить агент треста, – пояснил Сыроежкин. – Их человек, знакомый. А тут приходите вы.

– Точно, – сообразила девушка. – Они кого-то другого ждали. Но их предупредили, что может прийти агент ОГПУ, женщина.

«Меньшевик» с Сыроежкиным молча переглянулись. Владелец пенсне подошел ближе, сунул Ольге документ.

– Теперь поняла, Зотова, зачем тебя сюда прислали? Нет? Ты книжку про шпионов купи на Кузнецком и почитай. Жаловаться твоему начальству мы, понятно, будем, но и тебе иногда думать полезно. Пошли отсюда, Сыроежкин, а то ругаться начну, а мне не хочется.

– Может, подвезем товарища? – предложил заместитель начальника оперотдела. – Она служебную машину отпустила, а трамваи сейчас почти не ходят.

Стекляшки блеснули:

– Иисусик нашелся! Этот твой товарищ нам всю операцию чуть не сорвала, еще расхлебывать придется… Ладно, подвезем. Тебе, Зотова куда надо? Сразу домой – или сперва к начальству, слезу, понимаешь, пустить?

2.

По небольшому четырехугольному экрану беззвучно плавали неровные пятна: серые, черные, белые. Словно тучи кружились, предвещая близкую грозу. Ни звука, ни шороха, но миг тишины недолог, вот-вот – и грянет.

– Нравиться? – негромко поинтересовался Ким Петрович.

Леонид быстро кивнул, потом, немного подумав, все же уточнил:

– Нет, товарищ Ким, не совсем так. Я ведь даже не знаю, для чего это все нужно. Просто когда смотришь, чувство странное. Не из нашего мира вещь. Вроде и не опасная, а все же боязно.

Получилось не слишком складно, но начальник не возразил, товарищ же Москвин решил не уточнять, дабы лишнего сболтнуть. Солгал! Из каких миров это чудное устройство, пока неведомо, зато в его собственном мире…

… «Кирочная, дом восемь, товарищ Пантёлкин. Всех, кто в квартире. Повторяю – всех, это приказ. Имитируете налет, но искать будете вот что…» Какой-то профессор, служил при Северо-Западном правительстве Юденича, только что вернулся из эмиграции. Чемоданчик, небольшой да тяжелый, сделан непонятно из чего. Материал твердый, гладкий, рукой приятно гладить. Вроде как розетки, только размер совсем иной…

«Говори, где машинка с Кирочной и, честное слово, сегодня же тебя отпустим…»

А еще подвал расстрельный вспомнился – и мысли, что перед самыми выстрелами в голове мухами роились. Подумалось тогда, что обидно будет умереть, тайны не узнав. В руках держал, а не далась. Недостоин, значит.

И вот она – тайна. Прямо на знакомом столе, на сукне зеленом. Хочешь, пальцем коснись, хочешь так смотри, облаками любуйся.

Свиделись!

* * *

Бесконечный день наконец-то сменился ночью, такой же долгой и томительной. Можно было подремать на диване в кабинете – или прямо в большой комнате на первом этаже Сенатского корпуса, куда по-прежнему стекались донесения о делах в Столице. Но бывший старший оперуполномоченный знал, что не уснет. Ночь не кончилась, что-то еще случится. Отправив трудягу-Полунина отдыхать, он сел у телефона, приготовившись ждать, словно в чекистской засаде – терпеливо, спокойно, никуда не торопясь. Так на Можайской ждали Фартового, чтобы уже перед самым рассветом услышать короткий и резкий стук в дверь.

Товарищ Ким позвонил в начале четвертого. Леонид, ничуть не удивившись, поинтересовался лишь, куда идти, в чей кабинет. В Главной Крепости сейчас все начальство, полный набор Скорпионов, ступить некуда. Мало ли что руководству в голову придет? Пристрелить Гришку Зиновьева к примеру. Сначала пулю в висок, потом – револьвер в еще теплую руку, а затем нужную бумажку на стол, например, подписку о работе на британскую разведку. Отчего бы и нет? По Гришке-Ромовой Бабе точно уж никто плакать не станет!

Обошлось. Ким Петрович ждал его у себя в кабинете. Леонид почему-то решил, что начальству тоже скучно. У товарища Москвина в тумбе стола польская вудка, у секретаря ЦК наверняка тоже что-то имеет, ничуть не хуже.

Вудки не было. Товарищ Ким сидел на подоконнике, держа в зубах давно погасшую трубку, а на зеленом сукне неярко горел экран, встроенный в верхнюю крышку знакомого «чемоданчика». Леонид пододвинул стул, пристроил поближе пепельницу, закурил – стал

смотреть на клубящиеся тучи. О том, зачем пригласили, и почему чудной «чемоданчик» включен, он решил пока не думать. Редко бывает, чтобы мечта сбылась, да еще такая.

А ведь сбылась же!

– Ни о чем не хотите спросить? – негромко поинтересовался начальник, неторопливо набивая свой «Bent» табаком из большой яркой пачки, лежавшей там же, на подоконнике.

Товарищ Москвин покачал головой, не отрывая взгляд от экрана.

– Нет, Ким Петрович. У меня, если честно, от всех наших тайн уже зубы ноют. Мне бы что попроще, я же не ученый.

– Не скромничайте, – табак в трубке вспыхнул ярким огнем, словно уголек в ночном костре. – В одном вы правы: точный вопрос не сразу сформулируешь. Сделаем иначе. Расскажите-ка мне, что вы сейчас видите?

Товарищ Ким улыбался, рука поглаживала короткую бородку, но Леонид уже понял, что звали его сюда не просто так, от предрассветной скуки.

Подобрался, вновь на экран поглядел, отложил недокуренную папиросу.

– Такие устройство проходят у нас под грифом ТС, то есть Странные Технологии или Технологии Сталина. Сам товарищ Сталин считает, что их создали либо в Северо-Американских Штатах, в секретной лаборатории, либо… либо вообще не на Земле.

– Докладную нашего Кобы я тоже читал, – перебил начальник. – Фантазер он изрядный. Могу вас уверить: это все создано на нашей планете.

Товарищ Москвин пожал плечами. Начальству виднее.

– Что касаемо именно этого устройства… Его привезли из-за границы, насколько я помню, из Швеции, в Петроград в ноябре 1922 года. А потом долго искали.

Он покосился на подоконник, но там ничего не изменилось. Ким Петрович невозмутимо дымил трубкой.

– Не хотите рассказывать о своих подвигах? – наконец, отозвался он. – Признаться, Леонид Семенович, никак не могу одобрить вами сделанного. Даже не знаю, в каком качестве вы принесли больше вреда – как бандит Фартовый или как чекист Пантёлкин. Я вообще не люблю ВЧК. Понимаю, что у контрразведки свои методы, и что белые перчатки там не выдают, но всему есть предел… Вчера, кстати, вас поминал товарищ Зиновьев.

Леонид почувствовал, как холодеют пальцы. Если питерский диктатор узнал, кто таков скромный сотрудник Техсектора товарищ Москвин, дела плохи. Гришка не из тех, кто прощает.

Эх, если бы и самом деле выдали приказ на исполнение Ромовой Бабы! Пистолет – в руку, бумажку на стол…

Вы скажите мне, братцы-граждане:
Кем пришит начальник?

– Он на вас также весьма зол, но крови не жаждет. Вашей крови, Леонид Семенович. Но вот использовать опыт старшего оперуполномоченного Пантёлкина в своих целях очень даже не прочь. Впрочем, об этом позже. Сначала о приборе. И пусть зубы у вас не ноют. По вине известного вам чекиста погибло несколько хороших людей – тех, ко мне помогал. Придется вам занять их место…

Бандит по кличке Фартовый скрипнул зубами. На сознанку давит, ключик-чайничек? А кто терпил под пули поставил? Сам бы и вез «чемоданчик» из Швеции, глядишь, на Кирочной и встретились бы.

Виду, понятно, не показал, кивнул только. Мол, слушаю, готов!

Ким Петрович слез с подоконника, шагнул к столу.

– Итак, устройство. Прибор… Только сейчас сообразил, что у него нет названия. Пусть будет… «Око». Коротко и точно.

Пальцы легли на клавиатуру. Тучи исчезли, сменившись ровной чернотой.

– Его делали не марсиане и даже не ваши любимые тускуланцы. Кстати, на Тускуле тамошние товарищи не считают себя инопланетянами. Они живут на Земле. Мы – тоже Земля, но Старая. Я вначале очень обижался.

– Так вы и на Тускуле жили?!

Товарищ Москвин на миг ощутил то, что много страшнее зависти. Мир перестал быть плоским, стены кабинета беззвучно раздались, освобождая звездный простор, пол истаял, превратившись в черную бездну. Над головой вскипели тучи, неслышно ударила белая колючая молния… Человек, стоящий перед ним, переступал границы Миров. А кем был он, Леонид Пантёлкин? Серым пятном на сером асфальте, никак не больше.

Начальник ничего не заметил, только взглянул удивленно.

– Не рассказывал? Я вырос на Тускуле, Леонид. Свято-Александровск, улица Академика Глазенапа, дом три. Вы еще не знаете, но время там течет иначе, прожил я там пять лет, гимназию закончил, думал вернуться домой. А возвращаться стало некуда…

Он подошел к ящику стола, повернул ключ.

– Вот, посмотрите.

Фотографическая карточка, цветная, яркая, левый верхний край оборван, правый загнут. Видно, что часто доставали, не держали под спудом. На карточке – старик и мальчишка. В нижнем правом углу – надпись, неровные буквы синими чернилами: «1980 год, 5 июня.»

Дата не слишком удивила, Леонид помнил то, что рассказала Гондла. Ким Петрович родился в 1932 году. Но те, кто изображен на карточке…

– Узнали?

– Лунин, – товарищ Москвин уверенно указал на старика. – Николай Лунин. Мне говорили, что он ваш родственник, кажется, дядя.

– Два Лунина, – негромко поправил начальник. – Два Николая Андреевича, дед и внук. С младшим я встречался всего лишь один раз, как раз перед тем, как мы с отцом уехали на Тускулу.

Леонид мысленно отметил «уехали». Не улетели сквозь мировой эфир, не перебрались даже, а вроде как просто сели в вагон скоростного поезда.

– Мы с отцом тогда чуть не поссорились. Я считал, что мы оба станем дезертирами, что наше место дома, в СССР. Дядя Коля уезжать не захотел, хотя ему тоже грозила опасность. А Коля-младший, внук, все не мог понять, почему его родственник такой сердитый.

– А вам сколько лет тогда было?

– Если по обычному счету – одиннадцать, – коротко улыбнулся товарищ Ким. – Но я самого детства понял, что Время – дискретно. Даже не понял, на себе прочувствовал. Когда я закончил гимназию, в СССР уже начались большие перемены, я решил вернуться, отец тоже не был против. Но тут подвернулось одно дело, опасное и очень интересное. Мне было семнадцать, хотел себя испытать, проверить… Не учел одного: там, куда пришлось отправиться, Время текло совсем иначе, не как на Земле и даже не как на Тускуле…

Рука с зажатой в пальцах трубкой беззвучно ударила по зеленому сукну.

– Не учел… А если точнее, просто не задумался. Домой я вернулся в 1998 году, если по нашему счету. И… И нашел только могилы.

Товарищ Ким взглянул на фотографию.

– Дядю Колю, Николая Лунина, убили в 1991-м. Через два года погиб отец, а еще через год умер Коля-младший. Ему ввели препарат Воронина, удивительно, что парень продержался так долго. И все они погибли не случайно. Вам, Леонид Семенович, помнится, было

сделано некое предложение? Точнее, вам двоим – чекисту Пантёлкину и профессору Артоболевскому.

Бывший старший оперуполномоченный беззвучно шевельнул губами. «Господь пасет мя, и ничтоже мя лишит. На месте злачне, тамо всели мя, на воде покойне воспита мя…» Не всех смог спасти 22-й защитный Псалом…

– Ваших родственников убил Агасфер? – спросил он, заранее зная ответ.

– Агасфер… Агасфера, как вам недавно уже сообщили, не существует. Нет, ни Каменев, ни Коба не солгали, и я говорил вам только правду. Но – не всю. За Троцким и за Вождем стоял еще кто-то, и этот кто-то никуда не делся. Он здесь, с нами. Мне кажется, мои коллеги в Политбюро просто испугались. Если поверить в Агасфера, сразу придется отвечать на вопрос – кто он и откуда. И все ответы будут плохи.

Полумрак в углу кабинета сгустился, оброс плотью. Товарищ Москвин словно воочию увидел знакомую Черную Тень. «Вы – не просто везучий, вы еще очень упрямый. Такие люди мне нужны, Леонид Семенович. В этом мире вам все равно не протянуть долго, но есть иные миры и другие времена. Мне требуется помощник.»

Может, следовало согласиться? В этой войне нет правых и виноватых, есть лишь победители и проигравшие, живые и мертвые.

– Поэтому не станем гадать, – любитель трубок зло усмехнулся. – Гадание, как известно, противоречит основам марксизма. Будет исходить из фактов, а они таковы. Агасфер, кем бы он ни был, имеет доступ к технологиям из иных времен и миров – и регулярно этими ТС пользуется. Это первое. Второе вытекает из первого – Агасфсер стоит НАД Временем, оно для него нелинейно.

Леонид помотал головой. Время дискретно, Время нелинейно… Такому в заводской школе не учили.

– Вы имеете в виду этот… Канал? Мне Гондла рассказывала… Она даже мне мою собственную голову показала – в банке с эфиром.

– Сочувствую, – начальник вновь искривил губы улыбкой. – Гондла любит дешевые эффекты. Нет, Канал – это всего лишь техника, пусть и завтрашнего дня. Как и прибор, что стоит на столе. Агасфер НАД Временем, более того, миры, о которых мы можем лишь догадываться, для него доступны и достижимы, как для нас, допустим, Америка. Это, конечно, не так легко понять.

Товарищ Москвин невесело вздохнул:

– Не так легко… Это вы еще мягко сказали. Объясните, Ким Петрович! Только попроще, чтобы я понять мог.

Хозяин кабинета ответил не сразу. Вначале долго набивал трубку, раскуривал, глядел в темное окно. Наконец, повернулся.

– Земля – одна из планет, она вращается вокруг Солнца. Солнце – звезда, звезд очень и очень много. Планеты, звезды, галактики – это Вселенная. Даже если Вселенная конечна, размеры ее невероятно велики и для нас пока непредставимы. Но мы способны увидеть хотя бы краешек нашего мира – и уже научились по миру путешествовать. Мы не только можем попасть в Америку, но даже побывали в межзвездном эфире.

– Тускула! – улыбнулся товарищ Москвин, вспомнив фотографию Гранатовой бухты.

– Тускула, – согласился Ким Петрович. – А также станции на околоземной орбите, полеты на Марс, на Венеру, даже на Меркурий и Сатурн. Я знаю мир, где все это – уже реальность… А, скажите, как мы можем увидеть Вселенную? Звезды, планеты, Солнце?

Товарищ Москвин не сразу нашелся с ответом.

– Ну… Глазами видим. Поглядим на небо…

– Поглядим вверх? – жестко перебил любитель трубок.

– Д-да, – совсем растерялся Леонид. – Конечно, вверх.

– А теперь представьте, что существует еще одна Вселенная. Бесчисленное множество миров, таких точно, как наш, или очень похожих. И с каждой секундой этих миров становится больше, миры ветвятся, любое наше действие порождает новую реальность. В этой Вселенной нет единого Времени, нет деления на живых и мертвых, на Прошлое и Будущее…

Товарищ Москвин прикрыл глаза. Звезды, планеты, Солнце, даже далекая Тускула – все это представить можно. Но – не такое. Нет!

– Осознать подобное трудно, – Ким Петрович словно услыхал его мысли. – Почему мы не видим эти миры? Мы же видим звезды! Наше зрение, как и все чувства, не слишком совершенны, но не это главное. Мы не можем посмотреть вверх.

Бывший старший оперуполномоченный хотел переспросить, но внезапно вспомнил о сером пятне на сером асфальте. Звездная бездна, бесчисленные миры – и простое неровное пятно, присыпанное летней пылью.

– Потому что мы… плоские? Так выходит, Ким Петрович? В той Вселенной, о которой вы говорите, мы даже головы не можем поднять?

Начальник отложил трубку в сторону, оскалил крепкие зубы:

– Правильно, Леонид! Отлично! Именно так. Одно лишнее измерение – и мы становимся плоскими, слепыми. А вот Агасфер – нет. Теперь ясно? Ну, а наше «Око»…

Он подошел к прибору и легко коснулся пальцами клавиатуры. Экран ожил. Черная тьма сменилась чем-то странным, похожим на древесную крону. Белые ветви, белые листья, маленькие желтые огоньки…

– «Око» может очень многое. Прежде всего, мы теперь можем поднять голову. То, что на экране – маленький уголок недоступной взгляду Вселенной. Видите желтые точки? Это маяки тех миров, до которых мы уже можем дотянуться. Остальное – уже дело техники, надо лишь настроить Канал. А еще «Око» обеспечивает связь между мирами-маяками, пусть пока не слишком надежную. Вот так, Леонид! Скоро Канал заработает на полную мощность, и я очень надеюсь, что вы станете одним из первых наших посланцев.

Товарищ Москвин кивнул, но без всякого энтузиазма.

– Так точно, Ким Петрович. Гондла мне уже это обещала… Но, товарищ Ким, неужели вам на Тускуле свой человек не нужен?

Секретарь ЦК внезапно рассмеялся.

– Ах, Агасфер, Агасфер! Искусил он вас Тускулой, верно? Знать бы, зачем ему это. Зря, Леонид, отказываетесь, иные миры куда интереснее чужих планет. Но будь по-вашему, все равно именно вы работаете по Парижскому центру. Читал я ваши предложения по поездке, и вот о чем подумалось. Дипломатических отношений у нас с Францией пока нет, всякий гость из Союза – на виду. Французская контрразведка станет следить за каждым вашим шагом – просто по долгу службы. Не хотелось бы выводить их на нужных нам людей.

Бывший старший оперуполномоченный внезапно понял, что очень хочет курить. Папиросы? Нет, сейчас пригодится трубка!

Увидев «Гнутое яблоко» начальник, улыбнувшись, пододвинул поближе пачку табака и зажигалку.

– Париж – город большой, – констатировал товарищ Москвин, набивая трубку. – Значит, и возможности для нелегальной работы там имеются. Захожу, скажем, я в универсальный магазин в пальто и кепке, а выхожу другими дверями, в плаще и шляпе. И с документами новыми. Способов, Ким Петрович, много, это я самый простой назвал.

Он еле удержался, чтобы не помянуть Питер, где местные операм довелось вволю побегать за неуловимым Фартовым. Бегали, бегали, да так и не поймали. А все почему? Потому что в таком деле не ноги главное, а голова.

Закурил, глубоко вдохнув ароматный дым, улыбнулся. Были времена! Эх, яблочко, с медом тертое. Пантелеева ловить – дело мертвое!

Ким Петрович задумался, ударил пальцами о зеленое сукно.

– Очень неудачный момент. Отдел закрывают, паспортное бюро уже не в моем распоряжении. И деньги… Валютные счета я вчера передал в Общий отдел ЦК. Через пару месяцев мы все, конечно, восстановим, но пока что вам помочь нечем. Зато все это есть в ОГПУ. Леонид Семенович, а не завербовать ли нам ради такого дела товарища Бокия?

Кажется, начальство изволило шутить. Леонид усмехнулся.

– Дело доброе, Ким Петрович. Только для вербовки ха-а-ароший повод требуется!

– Угу, – невозмутимо согласился любитель трубок. – Повод предоставит нам лично товарищ Зиновьев. Я же говорил, у него на вас виды.

Товарищ Москвин сглотнул:

– Вы… Вы что, про вербовку серьезно?

Начальник, встав, аккуратно пристроил «bent» поверх бронзовой чернильницы. Взглянул снисходительно.

– Учитесь, Леонид, учитесь!

3.

Наталья Четвертак плакала. Горько, безнадежно, почти беззвучно, только плечи еле заметно дрожали. Лица не видать: села за стол, уткнулась носом в сжатые кулачки…

– Тетя Оля! Тетя Оля!..

Ольга Зотова повесила шапку на крючок, расстегнула полушубок, хотела с плеч стащить, но все-таки не выдержала, к столу подошла.

– Ты чего, горе мое луковое?

Почему-то вспомнились «тройки» по русскому, помянутые наглым «меньшевиком». Может, до «двойки» дело дошло? По всем остальным предметам – высший бал, а Наташка – девка с норовом. Нет, ерунда, из-за такого она слезу не пустит.

Полушубок кавалерист-девица все-таки сняла, на спинку стула бросив. Последние сутки вымотали до желтых пятен перед глазами. Как отпустили со службы, домой помчалась, червонец на лихача не пожалев. Думала, отдохнет, чаю с вареньем выпьет, с Наташей в шашки сыграет…

Если не школа, то что? Мальчишки обидели? Это вряд ли, с самыми наглыми одноклассниками девочка разобралась сразу без всякой посторонней помощи, а с остальными прекрасно ладила. И с учителями не ссорилась, даже директор ее хвалил.

После шашек, немного отдохнув, Зотова хотела обсудить с Натальей один и вправду серьезный вопрос. «Меньшевик», когда они уже к Главной Крепости подъезжали, посоветовал не шутить с социальной службой. У дочки генерала Деникина отец имеется, а вот гражданка Четвертак – круглая сирота. Значит, заберут – и в детский дом отправят, причем строго по закону.

Ольга даже огрызаться не стала. Так оно и есть. То, что до сих пор девочку не забрали, уже чудо. И удочерить Наташку нельзя, тот же закон не позволяет. «Меньшевик», блеснув стеклышками, снисходительно посоветовал перечитать Семейный Кодекс РСФСР 1918 года. Есть там раздел о патронате…

В общем, поговорить было о чем, но теперь все планы требовалось менять. Ольга пододвинула стул, присела рядом:

– А кто мне говорил, что плакать не надо, а? Ну-ка, перестань!

Наталья, всхлипнув, оторвала от рук зареванную пунцовую мордашку:

– Это вам не надо, тетя Оля. Вы большая и сильная, у вас пистолет есть. А я только плакать могу.

Искривила рот, взглянула безнадежно сквозь слезы.

– Они Владимира Ивановича убивают. Убивают его, понимаете?

Ольга, решив, то ослышалась, хотела переспросить, но внезапно поняла. Владимир Иванович… Владимир Иванович Берг, бывший хозяин Сеньгаозера.

– Так… Я сейчас разденусь, а ты водопровод свой закрути и рассказывать приготовься.

Кавалерист-девица пристроила полушубок на вешалке и принялась стягивать тяжелые австрийские ботинки. Менее всего ей хотелось беседовать о Берге. В то, что «убивают» она сразу не поверила. Убивали бы – уже убили, дело простое и нехитрое. А с остальным пусть разбирается сам. Небось, влип во что-то, а девка по доброте и малолетству жалеть этого Франкенштейна принялась. Убивают? А нечего детей уродовать!

– Ну, рассказывай, чего стряслось?

Наташка уже успела умыться и теперь терла кулачками покрасневшие глаза. Всхлипнула, промокнула нос платком.

– Арестовали его, тетя Оля. В ЧК он сейчас на этой… Лубянке. Бьют там его каждый день. И пить не дают…

Бывший замкомэск еле удержалась, чтобы не хмыкнуть. Ужасы «вэ-чэ-ка», как же, слыхивали!

– И какая добрая душа тебе сообщила? Ерунда все это. Я сама целый месяц во Внутренней тюрьме проскучала. Ничего там хорошего нет, но без приговора никого не убивают. А бьют… Знаешь, я бы этому Бергу лично половину зубов выбила. Он же тебя резать хотел, забыла?

Девочка мотнула головой:

– Владимир Иванович меня спас. И других спас, мы бы без него все давно мертвые были. И никто мне про него не рассказывал, я с ним сама говорила.

– Ага, – Зотова напряглась. – По телефону? В нашей квартире телефона нет, значит, в соседнюю звонили? Или прямо в школу? Стой, так у вас же занятий в эти дни не было!..

– Не было занятий, – подтвердила Наташа. – Отменили по случаю смерти вождя Красной армии товарища Троцкого. И по телефону мне никто не звонил. Мы с Владимиром Иванович так разговаривали. Он позвал, я услышала, ответила…

– Он позвал, ты ответила, – ровным голосом констатировала бывший замкомэск. – Поняла, так точно.

Присела к столу, уперлась локтями в скатерть, в темное окно поглядела.

– А там во лесу во дремучем
Наш полк, окруженный врагом:
Патроны у нас на исходе,
Снарядов давно уже нет.

А в том во лесу под кусточком
Боец молодой умирал.
Поник он своей головою,
Тихонько родных вспоминал…

– Тетя Оль! Тетя Оля! – девочка пододвинулась поближе. – Вам плохо?

Кавалерист-девица вздохнула:

– Устала немного. Кстати, я мыло купила, очень хорошее, с березовой чагой. Помнишь, какие у вас там, в Сеньгаозере, березы? Квадрифолические! Сегодня попозже воду нагреем и будем тебе шею мылить…

– Вы не верите мне?

– Почему? Очень даже верю, – Зотова грустно улыбнулась. – Детекторный радиоприемник с шеей немытой и с тройкой по русскому языку. Но это еще ничего, была бы ты, к примеру, с прицелом артиллерийским вместо левого глаза…

Простите, папаша, мамаша,
Отчизна – счастливая мать.
Уж больше мне к вам не вернуться,
И больше мне вас не видать.

Допела, откинулась на спинку стула, глаза прикрыла.

– Ладно, Наташка, давай по порядку. Только подробно, чтобы я понять могла.

Подробно не получилась. Наташа знала лишь то, что рассказывал им Берг, но многое успела позабыть. К тому же Владимир Иванович, как ни старался, был вынужден говорить очень длинными и трудными словами. Он их, конечно, объяснял, но все равно выходило слишком сложно.

Все началось весной 1920-го, когда несколько воспитанников Сеньгаозера внезапно заболели. Врачи разводили руками, но ничем помочь не могли. Болезнь была странной: приступы головной боли перемежались с временной глухотой, сильно и неровно бился пульс, мускулы сводила судорога. Потом наступало облегчение, на день-два, редко на неделю, гл затем все повторялось по новой, только в еще более тяжелой форме. Так воспитанники Берга познакомились с одной из «солнечных болезней».

Впервые с подобными хворями столкнулись в далекой Индии. Доктор Нен-Сагор, придумавший «солнечное воспитание», описал случаи внезапного заболевания, возникавшего у его питомцев без всяких видимых причин. Первых больных спасти не удалось, но затем доктор сумел найти лечение. Солнечные лучи, питавшие его пациентов, пропускались через особый цветной фильтр. Приступы становились реже, а потом и вовсе исчезали. Обычно болезнь проходила бесследно, но в некоторых, очень редких случаях выздоровевшие приобретали новые свойства. Какие именно, индийский врач не уточнял. К счастью, к статье прилагалось подробное описание фильтра. Владимир Иванович съездил в Столицу, привез стекло и мастеров, и вскоре больным стало заметно лучше. А еще через полгода заболела Наташа. Фильтр она хорошо запомнила, цветов было несколько, но все холодные – голубой, зеленый, и еще какие-то, вроде как они же, но перемешанные друг с другом.

Слышать на расстоянии девочка научилась не сразу. Вначале различала отдельные слова, обрывки чужих фраз, а чаще – просто шум, словно от работающего мотора. Испугавшись, она побежала к Владимиру Ивановичу. Тот не удивился, ее случай был уже не первый. Берг прописал лечение, тоже солнечное, но уже без фильтра, зато с особым графиком «питания». Чужие голоса стихли, Наташа успокоилась, и тогда доктор предложил девочке научиться разговаривать с теми, кто находится далеко, без всякого телефона. Это оказалось не слишком сложно, но долго. К чужому голосу следовало привыкнуть, а потом искать его в долетающем из неведомой дали шуме.

– Мы с Владимиром Ивановичем даже песни вместе пели, – вздохнула Наташа. – Чтобы голос хорошо запомнить и сразу узнавать. Еще я какие то слова с бумажки читала, не наши, не русские. И Владимир Иванович читал… Я бы и вас, тетя Оля, научила, если бы умела. Владимир Иванович обещал, что объяснит, но не успел, уехал… А вчера я его услыхала. Он не меня звал, а всех, кто его слышать умеет. Я отозвалась…

– Где живешь, сказала? – резко перебила Зотова.

Девочка взглянула укоризненно.

– Тетя Оля, я маленькая, а не глупая. Да он и не спрашивал, он про себя рассказывал, помощи просил. Какой-то начальник у вас есть, ему надо письмо написать…

– Ага, прямо сейчас – и сразу, – бывший замкомэск недобро усмехнулась. – Это, Наташка, «тюрпочта» называется. Враги трудового народа связь с волей ищут. А на бумажке пишут или по радио вашему, это без разницы. Забудь! Если хочешь, я заявление напишу, чтобы к нему прокурорскую проверку прислали. Пусть он им и жалуется. Ко мне дважды приходили, про баню спрашивали и про крыс. Если бьют, пусть сам заявление пишет, не маленький. Хорош твой Берг! Ребенка в свои дела впутывает. Сам нагрешил, пусть сам и отвечает.

Наташа задумалась, наморщила нос:

– Дубль… Дубль-дирекция, да правильно. Его, тетя Оля, потому бьют, чтобы он над этой дирекцией работал. Это что-то плохое, очень плохое. Владимир Иванович не хочет. Мы – солнечные, мы не такие, как все, нам и кузнечиками стать можно. А его хотят заставить обычным людям чего-то пришивать.

– Кузнечиками! – Ольга хмыкнула. – Добрая же ты стала! Ладно, попытаюсь что-нибудь узнать. А ты с Бергом больше не разговаривай, считай, что не слышишь ничего…

Ох, Наташка, Наташка!.. А чего ты еще умеешь? Говори сразу, а то с твоими сюрпризами кондрашка хватить может.

Девочка встала, отставила стул и медленно поднялась над полом. Зотова поглядела вверх, кивнула.

– Уже знаю. Хотя, конечно, молодец, не спорю. А еще?

Наташа улыбнулась.

Исчезла.

– Эй! Ты где? – бывший замкомэск, вскочив, быстро оглядела комнату. – Наташка, это не смешно, ты куда делась?

Ответа не было. Зотова присела на стул, безнадежно махнула рукой.

– Над озером чаечка вьётся,
Ей негде, бедняжечке, сесть.
Лети ты в Сибирь, край далёкий,
Снеси ты печальную весть.

– Я здесь, тетя Оля.

Наташа сидела за столом. Кавалерист-девица потянулась вперед, осторожно погладила девочку по голове.

– В следующий раз все-таки предупреждай, чего задумала. Невидимой становишься, да? Мне бы такое на фронте, враз бы «Боевое Красное Знамя» получила!

– Невидимой? – Наталья Четвертак задумалась. – Это значит, вы смотрите, а меня не замечаете? Нет, тетя Оля, не так. Меня в комнате не было, я вроде как в сторонку отошла. Там темно и воздуха мало, но немножко переждать можно.

Переспрашивать Ольга не решилась.

4.

Неприятности начались с ключей. Зотовой их выдавать отказались, сославшись на распоряжение за каким-то длинным номером, поступившее прошлым вечером. Бывший замкомэск попыталась объяснить, что ключи эти от комнаты, где работает группа писем Технического сектора, но ничего не помогло. Девушка, пожав плечами, направилась на рабочее место, где ее встретили запертая дверь и большие сургучные печати на суровом шнуре. Ольга на всякий случай оглянулась, ожидая ражих молодцев с арестным ордером, но не обнаружив таковых, достала папиросы и побрела в курилку.

Несмотря на начало рабочего дня, народу там оказалось немало, в том числе и трое из ее группы. Комсомольцы вежливо поздоровались, но сообщить путем ничего не смогли, помянув все те же печати и запертые двери. Как выяснилось, закрыт был весь сектор. Зотова, не поверив, поспешила к товарищу Рудзутаку. Секретаря в приемной не оказалась, дверь же кабинета была не только опечатана, но и заклеена крест-накрест полосками бумаги с чьей-то замысловатой подписью.

Ольга вернулась в курилку, надеясь застать там комсомольцев и с помощью попытаться собрать группу, но те уже исчезли. Зато появилось подкрепление – шумные парни из Оргаспреда, самого могущественного отдела ЦК, бывшей вотчины Генсека Сталина. Печати, как выяснилось, появились и там, причем было объявлено, что прежний заведующий снят, а нового должны назначить с часу на час. Но даже не это поразило видавших виды сотрудников. Смену власти они давно ожидали, понимая, что после отставки Сталина Оргаспред ожидает серьезная чистка. Была еще одна новость, свежайшая, только что просочившаяся из-за плотно закрытых дверей, за которыми заседало Политбюро. Все последние дни в Главной Крепости только и разговоров было о преемнике Льва Революции. Революционный Военный Совет да еще наркомат – этакое наследство не всяким плечам впору. Назывались разные имена, но не угадал никто.

– Простите! – растерялась Зотова, краем уха услыхав фамилию. – Вы сказали…

Ответом были довольные усмешки. Ольге с удовольствием повторили. Да, новым Предреввоенсовета и наркомом назначен товарищ Сталин. Парни, явные сторонники бывшего Генсека, видели в этом проявление высшей справедливости. В конце концов, кто такой Генеральный секретарь? Начальник партийной канцелярии, бумажка налево, бумажка направо. Власть, конечно, но разве можно сравнить ее с должностью покойного Льва? Рабоче-крестьянская Красная армия – главная сила диктатуры пролетариата, ее стальной ударный кулак. Вот теперь товарищ Коба им всем покажет!

Бывший замкомэск спорить не стала. Начальству виднее, ее дело простое – приказы выполнять. Но все же вспомнилось. В далеком 1919-м красный кавалерист Зотова, недавно получившая кандидатскую карточку РКП(б), присутствовала на собрании, где выступал делегат, вернувшийся с X съезда партии. Доклад проходил бурно», выступающего то и дело прерывали. На съезде решался вопрос с «военспецами. Осуждение «военной оппозиции», ратовавшей за восстановление выборности командного состава, пришлось по душе далеко не всем. В пылу полемики докладчик помянул речь Вождя на заседании военной секции. Предсовнаркома, осуждая зарвавшихся оппозиционеров, привел в качестве примера Сталина, руководившего обороной Царицына. «По 60 тысяч мы отдавать не можем», резюмировал он, помянув огромные потери красных войск.

Про эти погибшие тысячи красный командир Зотова не забыла, потому и не спешила радоваться решению Политбюро. Впрочем, не она одна. Некто, явно постарше остальных, при бородке и золотых очках, снисходительно пояснил излишне разгорячившимся парням, что новому Предреввоенсовета придется туго. Весь военный аппарат – это люди покойного

Троцкого, с которым Сталин был на ножах. Для того и назначили товарища Кобу – чтобы шею сломал. Если даже и справится, толку все равно будет мало. От прежней армии огрызок остался, да и тот сократить намерены. А все, что еще есть боеспособного, из состава РККА постепенно выводят. Вот, скажем, Части Стратегического резерва. Стоило Троцкому захворать, их тут же переподчинили.

Зотова вспомнила бойцов Фраучи (серые шинели, черные петлицы, штык-ножи от японских «Арисак») и невольно задумалась. Переподчинили? Интересно, кому?

Впрочем, хватало и куда более насущных вопросов. Докладную о том, что случилось на Центральном рынке, Ольга написала еще вчера, но так и отдала по назначению. Помощника товарища Каменева не оказалось на месте, да и можно ли верить гражданину с интернациональной фамилией? На шпиона этот тип не тянет, зато на бестолкового чинушу, по глупости или разгильдяйству чуть не подставившего ее под пули – вполне. Он-то отвертится, недаром на таком посту штаны протирает. А кого виноватым назначат, дабы наказать для примера? Догадаться не так и трудно.

Пойти к товарищу Каменеву? Могут сразу не пустить, а тот же деятель первым доложит. К Киму Петровичу? Нельзя, не по его ведомству, помощник не зря с Ольги подписку брал. Почему-то вспомнился товарищ Москвин. Этот бы точно что-то толковое присоветовал! Но обращаться к бывшему чекисту Пантёлкину слишком опасно, не будь даже подписки о неразглашении.

Ольга прошла коридором, затем спустилась этажом ниже, где был кабинет товарища Кима, заглянула в приемную, с секретарем поздоровалась. И вновь коридоров пошла. Вот и лестница. Обратно, что ли, к сургучным печатям?

– Ольга Вячеславовна! Вас, кажется, поздравить можно?

Поздравить?! Зотова растеряно обернулась.

– Или еще не знаете? Тогда мне повезло, первым сообщу.

Валериан Владимирович Куйбышев, Недреманное Око партии, улыбнулся, протянул огромную ладонь:

– С новым назначением!

Кавалерист-девица, ничего не понимая, пожала руку, но благодарить не спешила.

– Знаете, товарищ Куйбышев, была бы верующей, сказала бы, что вас бог послал.

– Впечатлен! – густые темные брови взметнулись вверх. – Никогда не был о себе плохого мнения, но услышать подобное от молодого, перспективного, а главное очень симпатичного партийного работника… Погодите, да что случилось-то?

Ольга ответила не сразу. Слова подбирались с трудом, ускользали, теряли смысл.

– Если член партии попал в затруднительное положение… Если… По начальству обратится нельзя, и к товарищу Киму нельзя. Может, вы подскажете?

С лица Куйбышева исчезла улыбка. Потемнел взгляд.

– Товарищ Зотова! Удивлен и даже возмущен неверием в возможности Центральной Контрольной комиссии. Говорят, британский парламент может решить что угодно, кроме превращения мужчины в женщину. В отличие от буржуазного парламента, ЦКК может абсолютно все.

– В женщину никого превращать не надо, – вздохнула бывший замкомэск. – А вы знаете, Валериан Владимирович, что такое «трест»?

5.

– …Удачи вам, товарищи! – Леонид широко улыбнулся. – Удачи и всяческий успехов!

Махнул рукой, точно на перроне прощаясь, взял со стола папку.

– Товарищ Москвин! – донеслось из угла. – А как же вы? Кто будет группой руководить?

Бывший старший оперуполномоченный взглянул недоуменно:

– Все вопросы, товарищи, в Сенатский корпус. Третий этаж, кабинет секретаря ЦК Льва Борисовича Каменева. Волнуетесь, что без начальства остались? Не беспокойтесь, пришлют.

Повернулся, шагнул к двери. За спиною – негромкий гул. Не ожидали! С утра прошел слух, будто товарищ Рудзутак от должности освобожден, а Техсектор распущен, к полудню из Сенатского корпуса сообщили, что вопрос еще решается, но любом случае на службе останется хорошо если половина сотрудников. Ко всему еще – сургучные печати на дверях, словно после визита ОГПУ. А если вспомнить, что подобное творится во всем Центральном Комитете, то поневоле задумаешься. В Главную Крепость по крайней мере пускают, а в здании ЦК на Воздвиженке караул стоит при карабинах и штык-ножах.

В Чудском монастыре печатей не было. Особый режим, своя охрана. Руководитель научно-технической группы Леонид Семенович Москвин имел возможность беспрепятственно собрать сотрудников, дабы сообщить пренеприятное известие: он переведен на другую работу, группа же будет формироваться заново. Из кого – новому начальству виднее. Пока говорил, в лица всматривался, словно перед расстрельной стенкой, когда приговор уже зачитан. Здесь смерть никому не грозит, но понаблюдать все равно интересно.

Коридор был пуст. Леонид устало повел плечами и направился в сторону своего бывшего кабинета. Хорошо, вещами не успел обрасти. То, что в ящиках стола, в портфеле уместиться, а сейф можно забрать целиком, вместе с содержимым.

Он хмыкнул, представив, что сейчас творится в коридорах и курилках. Зашевелился народ, забегал. Ткнули палкой в муравейник!

Чистку Центрального Комитета начали готовить еще в ноябре, когда Троцкий тяжело заболел. Однако к январю все вопросы утрясти не удалось, слишком лакомые куски приходилось делить Скорпионам. И заменить людей непросто, чуть не треть сотрудников подлежала скорому увольнению, в первую очередь сторонники покойного Льва и здравствующего Кобы. В качестве компенсации Сталину отдали военное ведомство. Как выразился злоязыкий товарищ Радек: «опричный удел». Пусть там своих сторонников и собирает, в Центральном Комитете отныне места «опричникам» нет.

Кто победил? Леонид не торопился с ответом. Скорпионов стало меньше, но схватка еще в самом разгаре. «Бухарин, Троцкий, Зиновьев, Сталин. Вали друг друга!»

* * *

Оказавшись в кабинете, товарищ Москвин первым делом открыл сейф и достал фотографии Тускулы. Их лучше забрать, вдруг сейф придет опечатывать комиссия? Лишние вопросы, лишние сплетни… Китайский чай в большой жестяной банке и купленную на Тишинском рынке мяту решил оставить. Традиция!

Замок портфеля щелкнул за секунду до того, как в дверь негромко постучали.

– Войдите!

В кабинет заглянула Сима Дерябина, дернула острым носом.

– Заходите, – кивнул Леонид. – И двери закройте.

Усадив гостью, товарищ Москвин не всякий случай лично проверил замок, затем, вернувшись к столу, положил перед Симой листок бумаги и карандаш.

– Составьте список сотрудников группы. Тех, кого прислал Рудзутак, не включайте. Кого именно, подсказать?

Сибирская подпольщица только носом повела. Леонид улыбнулся.

– Я за их лицами наблюдал. Очень поучительно! Этих всех – поганой метлой. Остальные – на ваше усмотрение, но если сомневаетесь…

Договаривать не стал, уж больно взгляд у товарища Дерябиной был выразительный. Карандаш завис над бумагой, резко клюнул, выведя единичку, опирающуюся на круглую скобку. Остановился. Бывший старший уполномоченный понял.

– Меня не пишите. Группой пока будете руководить вы.

Девушка, удивленно моргнув, коснулась ладонью губ, но Леонид покачал головой.

– Уже решено. Я скоро уезжаю, а кого попало товарищ Ким назначать не хочет. Группу временно подчинят Общему отделу, он огромный, на нас и внимания не обратят. Группой больше, группой меньше.

Карандаш вновь скользнул по бумаге. Товарищ Москвин подошел ближе, наклонился. «Технический сектор?» Ага, ясно.

– Техсектор, товарищ Дерябина, решено оставить. Он будет заниматься тем же, что и бывшая Техническая группа – на письма трудящихся отвечать. Зачем для этого нужен сектор, сам не знаю, но вроде бы его собираются нацелить на международные контакты по линии науки. Будут искать идейно близких изобретателей и конструкторов.

На это раз взгляд Симы был особо выразителен. Бывший старший уполномоченный нахмурился:

– Товарищ Дерябина, не впадайте в пессимизм. Помощь международного пролетариата в деле создания Вечного Двигателя переоценить невозможно!

Не выдержал, рассмеялся:

– Сектор – еще ладно, кому-то не захотелось штаты сокращать. Иное интересно. Знаете, кто будет руководить этой лавочкой? Ни за что не догадаетесь…

И вновь не удалось фразу закончить. Стук в дверь помешал – громкий, требовательный. Не костяшками пальцев, и даже не кулаком.

Листок бумаги исчез. Сибирская подпольщица деловито расстегивала маленькую кобуру при поясе. Вновь ударили. Товарищ Москвин прислушался, покачал головой:

– Приклад или рукоятка револьвера… Сима, в любом случае это за мной.

Ответом была веселая улыбка. Пистолет в руке, острый нос повернут в сторону двери. Бывший бандит по кличке Фартовый одобрительной кивнул. Сильна! Была бы с ним в Питере Сима, а не Сергей Пан с его дворянскими замашками, то и за границу можно было бы уйти. Вместе бы не пропали!

…Чекист Пантёлкин беззвучно оскалился. Ушли бы, как же! И словно воочию увиделось: Литейный проспект, раннее утро, предрассветный ноябрьский мороз. Они с товарищем Дерябиной входят в подворотню, Сима делает вид, что оступилась, пропускает его вперед, стреляет в спину…

– Спрячьте оружие, товарищ Дерябина. И кобуру застегните!

Открыл, даже не спрашивая. На тех, кто на пороге стоял, поглядел.

– Зачем по двери колотили? Вас что, не учили, как арест производится?

Двое крепких парней, – один в штатском, другой в знакомой светлой форме при петлицах, – переглянулись.

– Дерево больно толстое, – ухмыльнулся «штатский», – боялись, не услышите.

Второй – тот, что в форме, глядел серьезно. Осмотрел кабинет. Заметив Симу, неодобрительно дернул губами:

– На два слова, товарищ Москвин. Пожалуйста, в коридор.

Весельчак, закрыв дверь, развернулся, стер с лица улыбку.

– Товарищ Москвин, прошу одеться и пройти с нами. Вам велено передать…

Замолчал, на второго взглянул. Тот шагнул ближе:

– Слова из песни. «Мне зелено вино, братцы, на ум нейдет. Мне Россия – сильно царство, братцы, с ума нейдет.»

Бывший старший уполномоченный вздохнул:

– Ах, тошным мне, доброму молодцу, тошнехонько,
Что грустным-то мне, доброму молодцу, грустнехонько

Гостей он ждал ближе к вечеру, но кто-то оказался слишком нетерпелив.

– А купил бы, братцы, на Пожаре три ножика,
А порезал бы я, братцы, гончих-сыщиков
Не дают нам, добрым молодцам, появитися,
У нас, братцы, пашпорты своеручные,
Своеручные пашпорты, все фальшивые.

* * *

Машина Бокия приткнулась к стене собора. Шторки закрыты, возле капота – крепкий детина в белом полушубке. Обыскивать не стал и документ не спросил, лишь взглянул очень внимательно. Подумав немного, пожевал губами, словно сомневаясь, наконец указал на заднюю дверцу:

– Сюда! В салоне не курить, голос не повышать, обращаться: «Товарищ Бокий» или «Товарищ Председатель Государственного политического управления».

Леонид, не став спорить, взялся за блестящий металл, открыл дверцу. Изнутри пахнуло теплом и бензиновым духом.

– Здравствуйте, товарищ Председатель Государственного политического управления!

Бокий, взглянув угрюмо, подвинулся, освобождая место, руку протянул.

– И тебе, Леонид Семенович, не болеть. Зря я тогда не настоял, чтобы тебя к нам вернули. Было бы одной проблемой меньше.

– Есть человек – есть проблема, – охотно согласился бывший старший оперуполномоченный. – Нет человека – нет проблемы.

Бокий взглянул недоуменно, и Леонид поспешил пояснить.

– Так о товарище Сталине говорят, о его кадровой политике. Когда Иосиф Виссарионович узнал, то очень обиделся.

Председатель ОГПУ неодобрительно покачал головой:

– Шутки у вас в ЦК… Человек есть – и проблема тоже есть. Леонид Семенович, ты помнишь Москвина? Ивана Москвина, он при тебе был заведующий отделом Петроградского комитета? Иван Михайлович, белесый такой, голову бреет. Он потом стал секретарем Северо-Западного бюро.

Леонид задумался, но ненадолго. Усмехнулся. «Надеюсь на ваш опыт, товарищ Москвин!» Еще один знакомец Черной Тени.

– Я его недавно у товарища Каменева встретил. То-то, показалось, что лицо знакомое! К нему Лунин, который Николай, по фамилии обращается, а я понять не могу. Интересно, он – настоящий Москвин?

Отвечать Председатель ОГПУ не стал. Сунул руки в карманы шинели, отвернулся.

– Мы с твоим начальником, с Кимом Петровичем, договорились. Я не буду вмешиваться в его дела, но за это получу определенные гарантии. В будущем – членство в Политбюро, а сейчас – контроль над Оргаспредотделом. Заодно почищу там все до белых костей, так что Киму одна только выгода. Сам я в Генеральные не собираюсь, но Оргаспред – это действительно гарантия от случайностей. Иван Москвин – мой друг, и, кстати, очень хороший работник. Кандидатура на заведование отделом уже согласована в Политбюро…

Бокий замолчал, потом резко повернулся:

– Что, не знаешь? Тебя хотят сделать его заместителем. Зиновьев хочет. Понравился ему Лёнка Пантелеев! Ты же теперь всем питерским – кровный враг, вот и будешь костью в горле. Откажись! Я с Кимом уже говорил, он на тебя кивает. Мол, приказать не могу, нельзя человеку карьеру ломать. Я его понимаю, лишние глаза в Оргаспреде ему не помешают. Откажись, Леонид Семенович!

Товарищ Москвин еле заметно улыбнулся. Товарищ Ким – он такой! Отвечать, однако, не спешил.

– Во Францию, говорят, едешь?

Бокий резко обернулся, посмотрел в глаза:

– Ты работаешь по Парижскому центру, по бывшей Российской Междупланетной программе. Помогу! Скажи, что нужно.

Товарищ Москвин взгляд выдержал. «Гранатовая бухта. 15 мая, 7-го года. Тускула.». Вот оно!

– Два иностранных паспорта, один – на мою фамилию… А то, сам понимаешь… «У нас, братцы, пашпорты своеручные, своеручные пашпорты, все фальшивые.»

– Эстонские, – быстро перебил Бокий. – Сделаем.

– И две чековые книжки, номерные счета, банк в Швейцарии. Много не прошу, но так… Чтобы было.

В ответ – нежданная улыбка.

– Будет, Леонид Семенович. И со всем прочим поможем. Значит, договорись?

Товарищ Москвин протянул руку: Пожатие вышло крепким и резким, до боли в пальцах.

– Отлично! – Бокий уже не улыбался, скалился. – Помнишь, Леонид Семенович, я тебе перемены обещал? Вот они! Сейчас бы только шею не сломать. А должность ты получишь, дай срок, не зря тебя такой фамилией одарили. Но два Москвина – это уже перебор. Кстати, на чье имя второй паспорт? На Зотову Ольгу Вячеславовну?

Леонид взглянул изумленно. Глеб Иванович понял, покачал головой:

– Ну и зря. Девица правильная, хоть и с характером. Мой новый заместитель, он из Грузии, недавно ее встретил, так до сих пор губами причмокивает. «Слюшай, – говорит. – Такая дэвушка!»

– Такая, – согласился товарищ Москвин. – Как ты и сказал: кость в горле.

6.

– Олька! Олька! Ну ты такой молодец! Поздравляю, поздравляю!..

Маруся Климова! Подбежала, чмокнула в щеку, за плечи обняла.

– Теперь ты, Олька, всем им покажешь! А то заладили: равенство, равенство, а девушек только в курьерах и в экспедиции держат. И еще в техработниках, полы мыть. Ты же первая!

– Ага, – прохрипела бывший замкомэск. – Полы мыть – это хорошо. Помыл – и свободен. За поздравления – спасибо, конечно…

Встретились, где и обычно – в курилке. Новому руководителю Технического сектора кабинет выделить еще не успели, и поздравления Ольга принимала прямо в коридоре.

– А еще меня во Францию посылают. К товарищу Марселю Кашену, контакты крепить. Буду демонстрировать решение женского вопроса в СССР на личном примере. Для того, видать, и назначили.

Климова взглянула странно, словно хотела о чем-то спросить. Промолчала, на пачку кивнула, достала зажигалку. Затянулась глубоко, резко выдохнув дым:

– И все равно – молодец, Ольга! Завидую я тебе, ох, завидую, подруга! Умная, красивая, грамотная – и всех мужиков обставляешь. Мне бы твоего счастья кусочек!

Зотова невесело усмехнулась:

– Не завидуй, Маруська! Столько всего свалилось, и за год не расхлебать. Жаль, рассказать не могу, даже тебе. Вот такое у меня, значит, счастье – словно плитой придавило, вздохнуть сил нет. Ты лучше скажи, как там твой принц? До сих пор мучаешься – или отправила малой скоростью по известному адресу?

Климова закусила губу, головой мотнула.

– Не отправила. Не денется он никуда, подруга, мой будет. Если бы не та девка! Стоит между нами, отходить не хочет, ровно собака на сене. А я, Олька, отступать не умею, всегда своего добиваюсь, пусть даже кровью платить придется.

Схватила за плечи, к себе притянула:

– Права ты, подруга моя лучшая. Нельзя из-за такого душу губить, грех это. Только иначе не могу.

И – шепотом на самое ухо.

– Убивать не стану. Пусть сама себе порешит, а я посмеюсь – и на могилу плюну!..

Глава 3. Гиперболоид Пачанга

1.

– Стало быть, гиперболоид, – задумчиво изрек Иван Кузьмич Кречетов, опуская бинокль. – Стальная оболочка… Как вы ее назвали, Лев Захарович? Несущая?

– Несущая, – подтвердил представитель ЦК, – Такие проекты уже есть, у нас в Столице даже пытались строить, на Шаболовке, кажется, но выше трех секций не поднялись. Потом что-то сломалось, и архитектора приговорили к расстрелу. Говорят, условно.[11]

Сзади послышался негромкий смешок. Враг трудового народа Унгерн, восседавший на корточках чуть в стороне, явно оценил сказанное.

– Расстрел условно, господа! Как мило-с! Пятьдесят условных ударов ташуром по пяткам. Знал бы, непременно использовал.

Филин Гришка, четвертый в этой мужской компании, заворочался, без всякой охоты приоткрыл огромный желтый глаз и вновь задремал, удобно устроившись на бароновом плече.

Иван Кузьмич, проигнорировав классово враждебный выпад, между тем продолжил:

– Понимаю так, что гиперболоид этот из готовых частей собирается. Их привезти можно, хоть и далеко. Допустим, из Британской Индии. Но его еще и собрать надо, какая-никакая техника нужна. А здесь я ничего подобного пока не видел.

Товарищ Мехлис согласно кивнул.

– Я тоже не заметил. Три британских аэроплана, грузовики «Форд», несколько легковых авто, трактора, кажется, американские… Собственно, все.

– И причальная мачта для дирижаблей, – Кречетов вновь поднес бинокль к глазам. – Не все нам показали, Лев Захарович, не все!

– Исходя из этого очевидного факта, – длинный палец представителя ЦК метнулся в сторону стальной башни. – Мы обязаны проявлять тройную ужесточенную бдительность. Ибо коммунист не может позволить застать себя врасплох и провалить тем порученное партией дело!

Барона передернуло.

– Господин Мехлис, – вздохнул он, – Вы не могли бы как-то разнообразить ваши масонские поучения? Этак и стошнить может.

Лев Захарович сделал вид, будто не слышит, но палец все-таки убрал.

* * *

Собрались на крыше, пользуясь теплым солнечным днем. Тучи отступили к северу, к дальней горной гряде, и над Пачангом распростерлась бездонная синева. Сам город остался чуть в стороне, зато предместье – маленькие желтые домики из грубого местного камня, острые силуэты храмов и несколько зданий европейского типа – лежало, словно на ладони. По мнению барона, все это очень напоминало хорошо знакомую ему Ургу, за одним очевидным исключением. В Монголии не было гиперболоида – огромной решетчатой башни, вросшей в склон небольшого холма. Серый стальной гигант, подпирающий небо, и стал тем первым,

[11] Несмотря на все проблемы, Шухову удалось построить свою знаменитую башню. В нашей истории работы были завершены в марте 1922 года.

что они заметили, подъезжая к городу. Вначале не могли понять, когда же сообразили, только руками развели. Такла-Макан, горы на горизонте – и металлическое диво, какое не в каждой европейской столице увидишь. Все прочее, и грандиозный Синий Дворец, и даже помянутая Кречетовым причальная мачта, смотрелось на фоне гиперболоида весьма блекло. Иван Кузьмич вспомнил все, слышанное и читанное о загадочной стране и мысленно посетовал на своих информаторов. Обо всем предупредили – и о злых духах, и о ходячих мертвецах, даже о подземной стране Агартхе. Стальную же башню под три сотни саженей высоты никто и не приметил.

Посольство пребывало в Пачанге уже неделю. Не в самом городе, в предместье, ибо для вхождения за высокие белые стены местной цитадели требовалось особое разрешение. Этим сразу же занялся второй посол, господин Чопхел Ринпоче, Кречетов же принялся за привычные хозяйственные дела. Прежде чем идти в Синий Дворец (по-местному – Норбу-Онбо), надо требовалось решить множество вопросов – от организации котлового питания личного состава до покупки парадных одеяний.

До Пачанга дошли не все. Восемь человек (семь бойцов и один из монахов) погибли в бою у Врат, еще четверо умерли от ран несколькими днями позже. Прочим тоже досталось изрядно. Ивану Кузьмичу приходилось каждый день менять повязку на руке, пламенный революционер товарищ Мехлис передвигался с немалым трудом, морщась от боли в сломанных ребрах, трое бойцов лежали в местной больнице, находящейся тут же в предместье. И без того невеликая армия командира Кречетова растаяла почти наполовину.

Раны на лице у Чайки начали подживать, но перед глазами по-прежнему плескалась черная тьма. Лишь иногда девушке казалось, что она различает смутные неровные пятна, проступавшие сквозь вечный мрак.

Что сталось с Блюмкиным, Ивану Кузьмичу не сообщили. Отрядный фельдшер, человек серьезный и основательный, считал, что того уже давно едят местные собаки, но Кречетов почему-то был уверен в обратном. Верткий мерзавец и жилистый, такого одной стрелой не убьешь.

О случившемся у Врат Кречетов подробно, через переводчика, доложил местному пограничному чину, крепкому парню в стеганном халате и китайском кепи с «маузером» при поясе. Тот, ничуть не удивившись, велел занести рассказ в протокол – длинный свиток на желтой бумаге – после чего заметил, что уважаемым гостям еще крупно повезло. Время сейчас такое! В последний год война, охватившая всю Поднебесную, подступала уже к самому городу.

Кем были нападавшие, Иван Кузьмич уточнять не стал, дабы избежать лишних вопросов. Мало ли разбойников в Такла-Макане?

Посольство разместили на большом постоялом дворе. На третий день, когда народ отоспался, Иван Кузьмич, приказав собрать два десятка уцелевших «серебряных», устроил им смотр, после чего разбил личный состав на два отделения и велел приступить к обычным занятиям, с упором на строевую подготовку. Ветераны зашумели, но командующий Обороной показал им крепкий мосластый кулак. Ввиду больших потерь в общий строй были поставлены и ревсомольцы, включая Кибалку, которому в качестве поощрения была объявлена благодарность перед строем.

Жизнь потекла обычно, словно после возвращения из очередного партизанского рейда, но Иван Кузьмич понимал, что сделано лишь полдела. Война – занятие знакомое, в дипломатии же Кречетов был не силен. К счастью, бывший статский советник Рингель перед отъездом вручил ему взятую из библиотеки книгу «Правление посольства к диким инородцам», каковую Иван Кузьмич внимательно изучал в свободное от службы время. Правда, помянутые в книге инородцы не умели строить башни-гиперболоиды, что делало посольскую миссию еще более сложной. На второго посла Кречетов особой надежды не имел. Господин

Чопхел Ринпоче сословия духовного, можно сказать, ангельского чина, а значит, дела земные такому лучше не доверять. Мало ли чего попу в голову взбредет?

Лишь иногда выдавалась свободная минута. Тогда и поднимался Иван Кузьмич на крышу – мир посмотреть, гиперболоидом полюбоваться, филина Гришку послушать.

* * *

– Пу-гу! – напомнил о себе Гришка. Барон погладил птицу по серым перьям, взглянул неуверенно. Затем, пересадив сонного филина на пол, резко встал, одергивая мятый халат-курму.

– Господа большевики! Прошу вашего внимания.

Иван Кузьмич спрятал бинокль, повернулся, Мехлис же, не сдвинувшись с места, беззвучно дернул тонкими губами, словно желая выругаться. Кречетов походя отметил, что во внешности пламенного большевика за последние дни вновь произошли перемены. Волосы, ставшие за время путешествия пегими, приобрели цвет вороньего крыла, а на загорелом лице прибавилось морщин, одно время почти незаметных. Теперь Лев Захарович выглядел так же, как и в первый день их знакомства, когда представитель ЦК шагнул с самолетного трапа на землю Сайхота.

Барону было не до комиссарской внешности. Расправив плечи, он шагнул вперед, прокашлялся.

– Господин красный командующий! Уставы армий всего мира, включая вашу РККА, требуют от тех, кто попал в плен, предпринять попытку к бегству. Это законное право всех военнослужащих. Я попал в плен 20 августа 1921 года. Попыток бежать не предпринимал, считая это бессмысленным ввиду полного завершения антибольшевистской борьбы. Теперь же, в Пачанге, передо мной стоит выбор, о котором я хочу поставить вас в известность.

Мехлис лениво зевнул:

– Бежать хочешь, беляк? Пристрелим, как собаку – и собакам кинем.

Унгерн даже ухом не повел. Из-за пазухи была извлечена вчетверо сложенная бумага. Барон осторожно развернул документ, поднял повыше:

– Мой приговор, господин Кречетов. Изменен согласно решению вашего большевистского ЦИКа. Уголовный кодекс РСФСР, статья 20, пункт «а»: объявить врагом трудящихся и изгнать из пределов СССР. Как видите, приговор исполнен. Более того, я честно выполнил обещание и привел вас в Пачанг. Проводник вам больше не нужен, посему прошу меня отпустить, причем сегодня же.

Иван Кузьмич, подойдя ближе, взял бумагу, поглядел на синие печати с гербом и передал приговор Мехлису. Лев Захарович читал долго, затем, сложив документ вчетверо, приподнялся на локте.

– Зря надеетесь на закон, гражданин Унгерн. Когда по вашему приказу сжигали людей живьем, о каком законе вы думали? Расстрел отложили ввиду вашей полезности, а потому сидите тихо, пока о вас не вспомнили.

Барон, презрительно фыркнув, дернув себя за левый ус.

– Мораль проповедовать изволите, господин вавилонский масон? Это после того, что ваши подельщики сотворили с Россией? Я воевал! Костер – для предателей и негодяев, всем прочим же для острастки. Что касаемо побега, то я собираюсь не в Париж к тамошним кокоткам. Двенадцать лет назад я уже был в Пачанге, дал определенные обещания и теперь обязан явится на суд. Едва ли меня там ждет что-то хорошее, но честь выше всего. Или вам не терпится приступить к обязанностям палача?

Мехлис молча отвернулся. Иван Кузьмич, забрав у него документ, вернул бумагу барону.

– Проводник, гражданин Унгерн, нам понадобиться может, потому как домой мы еще не вернулись. Но не это главное. Судить вас здесь – значит выдать местным властям сотрудника посольства на расправу. Кто же после такого нас уважать станет? Это, Роман Федорович, полная потеря лица. Мне не верите, господина Ринпоче спросите, он вам все и подтвердит.

Соответствующий раздел из книги про посольство к инородцам был прочитан не далее, как вчера, потому и говорил командир Кречетов, в своих словах нисколько не сомневаясь. Для себя же твердо решил: отпустить бывшего генерала никак невозможно. Это сейчас барон филина воспитывает, а если ему опять волю дать? Неужто мало крови пролилось?

Унгерн долго молчал, наконец резко поднял голову:

– Потерять лицо… О таком я не подумал. В ваших словах, господин Кречетов, ест резон. Хорошо, я приму решение сам, не ставя вас в известность. Честь имею, господа! С вашего разрешения, Гришку оставлю, пусть воздухом дышит.

Мягкие сапоги-ичиги негромко простучали по твердой глине. Кречетов проводив барон взглядом, присел рядом с пламенным большевиком, поглядел на филина. Гришка, словно почуяв, открыл оба глаза.

– Пу-гу! Пу-гу!..

– Наверняка подслушивает, – непонятно, в шутку или всерьез констатировал Мехлис. – Караулы, Иван Кузьмич, надо сегодня же удвоить, а Унгерна запереть и, если потребуется, связать. Мы с ним слишком долго миндальничали, не без вашего, между прочим, согласия. Если убежит к местным, те его тряхнут, как следует, и допросят с пристрастием. Что он про нас расскажет? Мне и так здешние власти, честно говоря, сугубо подозрительны. С кем они по радио беседы ведут? Эта радиовышка обеспечивает прием не на сто километров, и, думаю, не на тысячу. С Британской Индией? С Бейпином? Или может, с Токио?

Иван Кузьмич, не став спорить, поглядел на башню-гиперболоид, вздохнул:

– Красивая! Нам бы такую в Сайхот. Ничего, со временем даже получше построим, чтобы наше радио Столица слышала.

Усмехнулся, бороду огладил:

– Ничего!

– А теперь лечу я с вами – эх, орёлики! —
Коротаю с вами время, горемычные.
Видно мне так суждено,
Да не знаю я за что
Эх, забудем же, забудем мы про всё!..

Мехлис, согласно кивнув, подхватил громким шепотом, насколько позволяли сломанные ребра:

– Ну, быстрей летите, кони, отгоните прочь тоску!
Мы найдём себе другую – раскрасавицу-жену!

2.

– Следят за нами товарищ командир, – уверенно заявил боец Кибалкин. – Это у ворот караульный всего один, и тот снулый. А в доме, что напротив, где лавка, пост круглосуточный. И еще один – в доме, что на углу. Там вечно нищие сидят, и каждые два часа к ним монах подходит. Одежка одинаковая, желтая, а монахи разные. И не подают ничего, я специально проверял. А если кто-то из наших в город идет, следом сразу «хвост» тянется, даже не прячутся, открыто идут. И в доме этом у них кто-то есть, наверняка из обслуги или семьи хозяйской. Только кто именно, пока неясно.

– Шпиёны, стало быть, – задумчиво кивнул Кречетов. – И там шпиёны, и сям. Ну-ну, посматривай дальше.

Обо всем этом Иван Кузьмич уже знал. «Серебряные» – народ опытный и глазастый, сразу вычислили, причем без особых трудностей. Но и Ваньке-младшему с его ревсомольцами полезно поучиться.

– Еще чего скажешь, Аника-воин? Какие будут твои наблюдения и выводы?

Кибалка взглянул исподлобья, но сдержался. Повзрослел, вояка!

– Прячут от нас армию, дядя. Краешек показывают, а главные силы подальше увели. Вот такой вывод у меня будет.

Кречетов молча покачал головой. Да, повзрослел парень. Отряд по горам провел быстро и грамотно, ни одного человека не потеряв. Сам Унгерн изволил похвалить, хоть и не без кислой усмешки. И ракету – Сигнал Пачанга – ввинтил в небо в самый нужный миг. Молодец!

А все равно – учить еще и учить.

– Насчет армии здешней ты, Иван, не торопись. И фантазиям воли не давай. Народу тут, в Пачанге, немного, и город всего один. Значит, большие силы не соберешь. Пастухи – не вояки, это мы с тобой видели, что у нас, что в Монголии…

Теперь красный командир был серьезен. Как с равным говорил, со взрослым.

– Значит, армия в Пачанге невеликая, зато оружие новое, британское. Не иначе, из Индии доставили. Мачту для дирижабля заметил? Мачта есть, а дирижабля нет, значит, не для себя строили, а для гостей-союзников. Аэропланы тоже британские, неплохие, но всего три…

– Не три, – упрямо буркнул Кибалка. – Твои старики аэропланы считали, а я номера записал. Вчера два улетело и два вернулось, но уже с другими номерами. За холмами у них настоящий аэродром, а здесь просто обманка. А возле холмов вроде как склады, заметил?

– Есть такое, – кивнул Иван Кузьмич. – И что?

Иван-младший дернул плечом.

– А ничего. Бетонные они. Это кто же тут из бетона строит? И башня эта железная для радио – откуда она? Нет, товарищ командир, армия тут есть. Иначе зачем нас сюда с посольством посылать? Мало ли городов в Китае?

На этот раз Кречетов спорить не стал. В Беловодске, готовя посольство, он и сам удивлялся. Почему надо ехать за признанием в никому не ведомый Пачанг, а не, допустим, в Лхасу, к Далай Ламе? Баронов рассказ про страну Агартху не слишком убедил. А вот боеспособная армия – это причина. Выходит, и Столица об этом знает, и хитрый старик Хамбо-Лама? Но все равно не слишком понятно получается. Пусть здесь, в Пачанге, кто-то силы собирает. Где Пачанг и где Сайхот? Даже если на карту глянуть, слишком далеко выходит. А если еще и про горы с пустынями вспомнить?

– Продолжай наблюдать, красноармеец Кибалкин. Чего заметишь, так сразу ко мне. Приказ ясен?

– Так точно! – племянник без особого успеха попытался принять стойку «смирно». – А я еще заметил. Ночью, часа в два пополуночи…

Иван Кузьмич хотел было объяснить излишне ретивому Кибалке, что ночью надлежит спать, а не играть сыщиков-разбойников, но в последний момент сдержался. «Серебряные» тоже видели кое-что странное.

– …Дворец, Синий который, где здешний начальник живет. Норбу-Онбо. Он светиться начинает. Не весь, а левая часть, которая к нам ближе. Свет синий, очень яркий, потому, наверно дворец так и назвали.

Именно это заметил в первую же ночь бдительный дозор «серебряных». Поначалу Кречетов не слишком удивился. Он уже знал, что в Пачанге электричество есть, пусть и не во всем городе. Почему бы дворец соответствующим огнем не осветить? Может, обычай здесь такой, раз этот Норбу-Омбо – Синий? Однако потом, проведя личную рекогносцировку, крепко задумался. Для обычных ламп свет слишком сильный, на прожектор не похоже.

У кого бы спросить? Не у Кибалки же!

– Инициатива наказуема, Ванька. Ты увидел – ты и узнавай. И не слишком мешкай, чтобы, значит, завтра к полудню был с докладом. Красноармеец Кибалкин, приказ понятен?

* * *

В коридоре было темно, желтый огонь керосиновой лампы горел слишком далеко, в самом конце коридора. Зимний вечер уже вступил в свои права.

Кречетов отсчитал нужную дверь, немного помедлил. Постучал, затем.

– Экии! – проговорил он, переступая порог. – Здравствуйте, стало быть.

– Bonsoir, Jean! Merci de ne pas oublier les personnes handicapées. – донеслось из глубины. – J'espérais que vous viendriez…[12]

Чайганмаа Баатургы, племянница властительного Гун нойона Баатургы, устроилась на толстой кошме, брошенной прямо на деревянный пол. Красный с золотом халат, круглая шапочка цветного шитья, пояс, украшенный тяжелыми серебряными бляхами.

…Недвижное лицо в пятнах и шрамах, пустые мертвые глаза. Иван Кузьмич не выдержал, отвел взгляд.

– Прошу простить недостойную, – бледные губы попытались улыбнуться. – Приходится встречать славного в наших землях воина без всякого вежества. Служанку я отослала, хотелось побыть одной. Сидела, вспоминала Париж – и мечтала, что вы из великой милости посетите ту, что не сберегла лицо. О большем недостойная не смела мечтать.

Кречетов поставил поближе стул, присел, вперед наклонился.

– Высказались? А теперь, Чайка, меня послушайте. Жизнь не кончилась, а значит, и сдаваться нельзя. Сколько хороших товарищей легло, чтобы мы сюда прорвались. Так что живите – и надежды не теряйте.

Вроде и правильно сказал, но сразу понял – напрасно. Девушка сглотнула, закусила губы, с трудом сдерживая стон.

– Погибшие – погибли. Они заслужили счастье в своих новых перерождениях. Недостойная лишена даже этого. Я пела «Улеймжин чанар» не только для того чтобы великий дух Данзанравжаа Дулдуитийна, Пятого Догшина ноен хутагта был милостив к идущим трудной дорогой. Я пела и для вас. Помните?

– Совершенство твое во всем
На тебя из зеркал глядит,

[12] Добрый вечер, Жан! Спасибо, что не забываешь инвалида. Я надеялась, что ты придешь… (франц).

Вижу я улыбку твою,
Я тобою навек пленен.
Птичьим пеньем твоя краса
Мне дарует покой по утрам…

Иван Кузьмич попытался что-то сказать, но Чайка резко подняла руку.

– Слова пусты. Недостойная даже не может посмотреться в зеркало, чтобы ужаснуться своей беде.

Красный командир встал, прокашлялся.

– Это верно, слова – только воздуха сотрясенье. А вот боевой приказ – дело иное, он и вес имеет, и последствия в случае невыполнения. На лошади усидите, товарищ Баатургы? Или вам сопровождающий требуется?

Плечи под красным халатом еле заметно дернулись.

– Для того, чтобы держаться в седле, глаза не нужны. Если понадобится, поеду и без стремян. Куда славный в наших землях воин повелит направить свой путь недостойной?

– А вот вопросы – лишние, – перебил Кречетов. – Значит, одеться потеплее и быть готовой после полуночи. На разведку едем.

Повернулся, к двери шагнул, но остановился, китайскую пословицу вспомнив. Был в Обороне парень из Харбина, поделился мудростью.

– Лицо теряют трусы. Достойные – сохраняют. Для героя лицо – его подвиг.

3.

После полуночи ударил мороз. Копыта лошадей звонко били в окаменевшую пыль, пустая темная улица отражала звук, усиливала, отпускала вдаль громким эхом. Черная небесная твердь горела узором зимних созвездий. Недвижный воздух был холоден и чист.

– Города стоят не на камне, а на памяти и легендах, – неспешно рассказывала Чайган-маа. – В этом их мощь и залог долгой жизни. Даже если камень разрушить и разметать по пустыне, память поможет воздвигнуть все заново, а легенды дадут силу преодолеть боль потерь. Почанг разрушали много раз, но разрушители мертвы, а город жив.

Ехали шагом, Кречетов и Чайка впереди, четверо «серебряных» за ними, отставая на два корпуса. Сзади неслышными тенями следовало сопровождение из местной стражи. Поздняя прогулка не вызвала вопросов, старший в карауле даже обрадовался возможности развеять ночную скуку.

– Но память – прихотливое божество. Она отбирает угодное ей одной, воля властителей перед нею бессильна. Летописи, написанные их приказу, горят, память же прочнее бумаги и долговечнее мрамора. Но и она не всегда правдива. Когда мы попадем в Синий Дворец, нам станут рассказывать легенды о царях и бодхисатвах, а мы станем вежливо слушать. Историю же Пачанга приходится собирать по крупицам – не всему в ней верить.

Девушка держалась в седле уверенно, ехала ровно, почти не прикасаясь к узде. Умный конь сам находил дорогу, не отставая от ехавшего рядом Кречетова. Пару раз Иван Кузьмич порывался забрать у девушки поводья, но потом успокоился. В Сайхоте дети садятся в седло прежде, чем начинают ходить.

– Калачакра – Колесо Времен. Славный воин наверняка слыхал это слово, у нас в Сайхоте многие верны Запредельному учению. Говорят, все началось очень давно, еще при земном воплощении Лотоса. В пятнадцатый лунный день третьего месяца, через год после своего Просветления, Будда Шакьямуни изложил сутру Праджняпарамита на горе Пик Грифов… Но и это легенда. История же говорит том, что тысячу лет назад учение Калачакры стало широко распространяться по всему Востоку. Пандит Соманатха принес его в горы Тибета. Не все поверили в Колесо Времен, начинались споры, потом ссоры, а потом и война. На юге твердыней Каалачакры стала горная Шамбала, на севере же – пустынный Пачанг.

– Мне про Шамбалу Унгерн рассказывал, – вспомнил Иван Кузьмич. – Будто бы его тамошняя разведка в оборот взяла и на поход в Сибирь подбила.

Чайка негромко рассмеялась.

– Рыжеусый барон думает, что понял Азию. Ничего-то он не понял, просто наслушался не слишком умных болтунов и прочитал несколько книжек в ярких обложках. Шамбала давно погибла, ее руины засыпаны снегом, даже паломники забыли путь к ее остывшему порогу. Европейцы выдумали для себя свою Шамбалу – и тешатся ею. Запад, Царство Христа, им наскучил, теперь им любы клыкастые восточные демоны. Пусть их! Царства Шамбалы нет, но умные и хитрые люди творят свои дела, прикрываясь давней легендой. Барон им поверил и погубил себя и свое дело.

– С такого станется, – согласился Кречетов, всматриваясь в подступавшую к самой конской морде темноту. – А насчет легенд, так они не только в Азии есть. Мои батя с мамкой из России уехали, думали в Беловодье дорогу найти. А попали аккурат в Сайхот. Если б не Беловодье, жил бы я сейчас где-нибудь под Воронежем, а про Сайхот только бы в газетах читал.

Девушка улыбнулась уголками губ.

– Судьба! Глуп тот, кто пытается с ней спорить. Беловодье – очень красивая легенда. Ирий, страна молочных рек, русский Эридан. Это не мрачные сказки госпожи Блаватской.

Но оставим Шамбалу в ее вечном ледяном покое. Она погибла шесть веков назад, тогда же погиб и Пачанг, но город в пустыне сумел возродиться…

Придержала коня, задумалась на миг.

– Кажется, улица кончается. Недостойная смеет просить славного воина придержать наших коней у подножия холма – там, где лучше виден Норбу-Онбо. Тогда мои слова помогут скрытому стать более ясным. Мне не приходилось бывать в Синем Дворце, но там был мой покойный отец, и его рассказ запечатлелся во мне каждым словом.

– Так точно! – Иван Кузьмич, прокашлялся, скрывая смущение. – За последними домами и остановимся. Я это место еще в первый день приметил.

Дворец красному командиру Кречетову был без особой надобности. Штурмовать он его не собирался ввиду отсутствия соответствующего приказа, знакомится же с бытием местных царей и попов Иван Кузьмич считал ниже своего большевистского достоинства. Чего он там в этом дворце не видел? Золота с каменьями? Покажут, как посольство принимать будут, еще надоесть успеет. Даже загадочный синий свет не слишком впечатлил. Мало ли где какие лампочки вкрутили? А вот Чайка беспокоила сильно. Девушка не жаловалась, крепилась, но было ясно, что ее силы на исходе. Подбодрить нечем – и отрядный фельдшер, и местный врач-китаец только руками развели. Бессильна медицина! Может, в Европе или в Северо-Американских Штатах найдется доктор-кудесник, но пока Чайка обречена видеть лишь вечную ночь.

Занять девушку полезным делом предложил товарищ Мехлис, причем не пустыми беседами, а чем-то конкретным и нужным, не в четырех стенах. Кречетов партийную мысль принял близко к сердцу, вот только повода не находилось. Загадочный свет над дворцом пришелся кстати. Не слишком нужный для дела, он был по крайней мере конкретен. А завтра, глядишь, еще какая загадка отыщется.

Последние дома остались позади. Широкая площадь, за нею – крутой склон. Иван Кузьмич оглянулся, поднял руку.

– Стой! Приехали, товарищи!..

Остановил коня, подождал, пока девушка придержит своего, кивнул невозмутимым «серебряным», уже успевшим достать кисеты с ядучим местным самосадом.

– Дворец? – еле слышно шепнула Чайка.

– Он самый, – бодро доложил командир Кречетов. – Вышли к цели, начинаем наблюдать. Я, чего вижу, излагаю, а вы, товарищ Баатургы, толкование даете.

Девушка невесело усмехнулась, но тут же, подобравшись, вскинула голову:

– Готова, товарищ командующий Обороной!

* * *

– На гору похоже, – наконец, рассудил Кречетов. – Гора, а на ней вроде как костры жгут.

И на Чайку поглядел. Угадал или нет? Девушка прикрыла глаза, помолчала краткий миг. Кивнула.

– На этот раз славный воин сказал то, что увидел. Гора! И он прав – Синий Дворец строился, как твердыня веры, утес, на котором будет стоять Колесо Времени. Иным дворцам важна красота, Норбу-Онбо олицетворяет силу.

Иван Кузьмич поглядел на погруженную во мрак вершину холма, призадумался. За эти дни он успел рассмотреть Синий Дворец во всех подробностях, благо, бинокль всегда под рукой. Норбу-Онбо строили на совесть, и для мира, и для войны. По склону холма – ряды высоких белых стен с острыми зубцами, две дороги, ведущие наверх, тоже прикрытые стеной, но уже пониже. А за стенами – сам дворец, причем не синий, а скорее, бурый. В центре – главное здание в восемь этажей, слева и справа – пристройки. Еще правее – решетчатая

причальная мачта для гостей-дирижаблей. А более ничего приметного, кроме радиоантенны над главным зданием. Товарищ Мехлис, тоже антенну увидевший, предположил, что радиостанцию первоначально разместили в самом дворце, а уж потом принялись строить гиперболоид.

Особой охраны у дворцовых стен красный командир не приметил. То ли внутри спрятана, то ли здешний народ беспечностью страдает. Сам же Нору-Омбо для защиты неплох, такую громаду лишь гаубицами расковырять можно. А если учесть, что строено все еще до огнестрельной эры, то дворец и вправду можно считать твердыней. Насчет Колеса Времени Иван Кузьмич твердого мнения не имел, но с батальоном полного состава и нужными запасами взялся бы продержаться за этими стенами недельку-другую.

Чайка рассуждала иначе. Прежде чем начать рассказ, она поинтересовалась у «славного воина», на что похож Нору-Омбо ночью. Про гору Иван Кузьмич сообразил только с третьего раза. Если подумать, то и вправду на гору похоже. Словно бы надстроили холм, но так, что дворец с земной твердью единым целым смотрелся.

– Синий Дворец начали возводить четыре века назад, – негромко заговорила Чайка. – Пачанг восстал из праха, и его правитель повелел соорудить олицетворение власти и веры на месте старого храма, основанного самим Соманатхой. Сейчас древние камни можно увидеть в одном из залов, их оставили, как память о старом Пачанге. Но главная святыня сохранилась. Под дворцом, как раз посередине, находится пещера, в которой великий проповедник скрывался от врагов. Туда пускают немногих, рассказывают же всякое, и трогательное, и страшное. Именно там якобы находится вход в Недоступное Царство.

– В Агартху, что ли? – сообразил Кречетов. – Его превосходительство меня ею пугать изволил. Гробы, значит, огнем горят, мертвецы чуть ли не вприсядку пляшут. И еще какой-то Блюститель вроде начальника здешней ВЧК.

Чайка только головой покачала.

– Каждый видит в святыне то, что может и хочет. Барон смог разглядеть только гробы и мертвецов. Пусть его! Блюститель же – прозвище Соманатхи, точнее, его не слишком удачный перевод. Великого проповедника называли Ракхваала, на языке хинди этот Тот, Кто Ничего Не Упускает Из Виду.

– Всеведущий, значит, – прикинул Иван Кузьмич. – А может у них там, во дворце, еще один Соманатха завелся?

Сказал и язык прикусил. Чайка, конечно, член Сайхотского ревсоюза молодежи и человек политический грамотный, но лучше ее такими вопросами не смущать. Девушка, однако, отреагировала на удивление спокойно.

– Воин, славный в наших краях, и в самом деле умеет видеть сквозь ночную тьму. Правители Пачанга носят титул Хубилгана – Перерожденного. Считается, что каждый из них – очередное воплощение Соманатхи. В Лхасе этого не признают, два века назад тибетцы послали в поход свое войско, чтобы сломить гордыню Пачанга. Войну они проиграли, и после этого стали распускать слухи, будто город защищали неприкаянные духи-цха. Об этом написано в поэме «Смятение праведного», в библиотеке Хим-Белдыра есть старый свиток, привезенный из Китая… Но мы говорим о дворце. Воин, славный в наших краях, спрашивал о синем огне. Он его сейчас видит?

– Наблюдаем! – с готовностью отозвался Кречетов, доставая бинокль. Духи-цха, пусть и полезные в деле обороны, это, как ни крути, поповские байки. А вот огонек – дело реальное. Тем более, задача не казалось сложной. Огоньков было не слишком много, с три десятка. Дюжина – поверх стенных зубцов, еще столько же – большим желтым пятном посередине, остальные же вразброс, маленькими неяркими звездочками. Иван Кузьмич провел биноклем слева направо, примечая каждый огонек.

– Отсутствуют, – констатировал он, пряча оптику. – Лампочки, видать, поменяли.

– Рано еще, Кузьмич! – откликнулись сзади.

Двое «серебряных», наскучив бездельем, незаметно подъехали, дабы тоже принять участие в ночной рекогносцировке.

– Рано для синего. Я дважды время засекал, и каждый раз после двух пополуночи выходило. А сейчас еще без трех минут.

– Стало быть, график у них, – понимающе кивнул красный командир. – Обождем, не холодно вроде. Вы как, товарищи?

«Серебряные» и не думали возражать. Сидение на постоялом дворе уже успело надоесть, посему загадка, пусть и маленькая, была воспринята, как прекрасный повод развеяться. О синем огне бойцы даже пытались расспросить местных жителей, но те не слишком откровенничали. Зато караульный у ворот, тоже изрядно скучая, сообщил, что в Пачанге хранится некое очень ценное зеркало, а еще живет слоненок. В последнем бойцы были не слишком уверены, поскольку общались с местным товарищем на ломанном китайском. Но вроде бы ошибки нет. «Хианг», только «хиао» – маленький.

Услыхав про «хианга», Чайка рассмеялась, впервые за много дней, и Кречетов не без облегчения вздохнул. Не зря поехали! Пусть все эти огни со слонами – ерунда на репейном масле, зато девушка не прячется посреди четырех стен наедине со своей бедой.

– Недостойная просит прощения у храбрых воинов, – отсмеявшись, заговорила Чайганмаа. – Им не солгали, Зеркало в Пачанге действительно есть. Его называют Черным и хранят в недоступном тайнике. Говорят, оно показывает человеку его самого, его силу и слабость, храбрость и страх. А еще оно может дать ответ даже на самый трудный вопрос. Слоненок же…

– Синий, товарищи! – перебил один из бойцов. – Слева, над двумя огоньками.

Кречетов вскинул бинокль. Есть! Там, где только что была тьма, загорелась большая синяя звездочка. Одна, другая… Третья.

– Почти под самой крышей, – рассудил Иван Кузьмич. – Стало быть, горница там…

– La salle, – негромко подсказала девушка. – Зал.

– Или зал. А времени у нас сейчас…

– Три минуты третьего, – подсказал один из «серебряных», щелкая крышкой часов. – Только, Иван Кузьмич, не электричество это. Я электриком в Чите три года работал, не спутаю.

Красный командир спорить не стал, хоть и не поверил до конца. В Чите таких дворцов не строено. Да и чему еще там гореть? Не керосину же!

Огоньков прибавилось. Четыре, шесть, восемь… Они горели ярко, затмевая ровным синим свечением желтизну окон. Ярче, ярче, ярче… Вот уже стали видны стены, проступили неясные контуры крыши, синий огонь растекался по огромному зданию, осветил стальные конструкции причальной вышки, поднялся ввысь, к низким зимним тучам.

– Вот почему его Синим назвали! – выдохнул Кречетов. – Не зря, значит.

– Нору-Омбо, – откликнулась девушка, – Jean! Mon brave, Jean! Pourquoi ne puis-je le voir? Ils disent que les miracles se produire ici…[13]

Иван Кузьмич, почуяв неладное, хотел переспросить. Не успел. Огонь стал пламенем, вскипел, полыхнул из окон. Синяя клубящаяся стена беззвучно поднялась к самому небу, задрожала, покрылась яркими белыми прожилками…

– Вижу, вижу! – внезапно крикнула Чайка. – Горе мне, утратившей веру отцов. Прости меня, Воссиявший в Лотосе! Ом мани!..

Закрыла глаза ладонями, всхлипнула, качнулась в седле… Один из «серебряных», бывший электрик, успел придержать за плечи, помог не упасть.

---

[13] Жан! Мой храбрый Жан! Почему я не могу его увидеть? Говорят, чудеса случаются… (франц).

…Синяя стена таяла, распадалась клочьями светящегося тумана. Ночная тьма вернулась, окутывая здание, спустилась с холма, плеснула в глаза.

– Ничего, товарищи, все в порядке. Прошу простить недостойную за ее слабость!

Чайка уже пришла в себя. Выпрямилась, попыталась улыбнуться.

– Спасибо! Я видела. Пусть недолго, секунду, но видела. Говорят, Синий огонь Пачанга различают даже мертвые. Спасибо, товарищ Кречетов, что взяли меня с собой. Теперь будет легче жить.

Иван Кузьмич смущенно кашлянул. Ночная разведка явно удалась. Синий огонь Пачанга – установленный факт. Но какие будут выводы из этого факта?

4.

…– Налицо также момент небритости и неопрятности. Борода, товарищи бойцы, должна быть подстрижена и ухожена, а не иметь подобие дворницкой метлы. Ежели к вечеру кого увижу с мочалой на подбородке – лично поброю, причем без мыла.

Красный командир Кречетов был суров. Ощетинившийся бородами строй замер, один лишь Кибалка, с бритвой еще незнакомый, позволил себе глумливую усмешку. Иван Кузьмич, однако, заметил.

– А у отдельных товарищей, которые на левом фланге, бляха не чищена и ремень не затянут. Опять же, к вечеру лично проверю. Если два мои пальца под ремень войдут, затягивать будем целым отделением в течение часа…

Красноармеец Кибалкин, сглотнув, попытался принять молодецкий вид.

– Мы, товарищи, представляем здесь не только наш Сайхот, но можно сказать всю Мировую Коммуну. А у Коммуны должно быть лицо, а не рожа небритая, да к тому же похмельная. А чтобы мысль моя до каждого дошла, после завтрака личный состав займется строевой подготовкой, причем с песнями…

Строй негромко взвыл, но Кречетов лишь нахмурил брови.

– Повторяю: с песнями. Товарища Мехлиса прошу проследить за репертуаром, чтоб похабщину не орали. А то знаю я вас!.. Потом – на политзанятие опять же к товарищу Мехлису.

Представитель ЦК, стоявший чуть в стороне, многообещающе кивнул. Бородачи приуныли.

– Вот в таком, значит, разрезе, – удовлетворенно подытожил Иван Кузьмич. – А то рассобачились, кавалеры егорьевские!.. Перед местными товарищами стыдно.

Местные товарищи присутствовали тут же, скромно разместившись на скамеечке у ворот. Пришли как раз вовремя, к началу построения, чем и вдохновили Кречетова на столь яркую речь.

Гостей было двое – желтый бритоголовый монах и невысокий парень в светлой шинели при ремнях, но без знаков различия. Китайское зимнее кепи, кобура при поясе, офицерская сумка на боку. Лицом желт, чисто выбрит, стрижен коротко, но аккуратно. Сразу видно – начальник, пусть и не из главных.

– Р-разойдись!..

Во двор уже спускался монах-переводчик из свиты господина Ринпоче. Кречетов удовлетворенно кивнул. Вовремя! Сейчас познакомимся.

* * *

Чутью своему Иван Кузьмич привык верить, особенно в вопросах кадровых. В Обороне пришлого люда было немало, приходилось беседовать с каждым, приглядываться, выводы делать. Людей распознавал почти без ошибок, особенно если врать пытались. Кое для кого вранье закончилась ближайшей стенкой или, за неимением таковой, стволом вековой лиственницы.

– …Воевал в отряде товарища Тян Юнсана, в Приморье. А язык выучил еще в детстве, наша семья жила во Владивостоке, а потом мы переехали в Харбин, там тоже много русских.

Гость глядел весело. Иван Кузьмич, кивал, усмехался в ответ.

– Здесь я уже два года, отвечаю за встречу гостей и их безопасность. Прибыл для личного знакомства.

Кречетов удовлетворенно кивнул. Значит, не ошибся, с первого взгляда срисовал. Местная ВЧК пожаловала.

Гости числились по посольскому ведомству. Желтый монах оказался главным по организации приемов и прочих необходимых церемоний. Русского языка не знал, зато хорошо понимал тибетское наречие хакка, посему Иван Кузьмич с легким сердцем отправил его к господину Ринпоче. Пусть на своем хакка договариваются на предмет поклонов и здравиц. «Чекиста» же взял на себя. И не таких улыбчивых видали!

Гостя звали Ляо Цзяожэнь, однако «чекист» сразу же предложил называть его товарищем Ляо. Кречетов, естественно не возражал.

Прошли в комнаты, выбрались на широкий деревянный балкон, в кресла сели. Китаец положил на стол папиросную пачку с изображением круторогого буйвола. Закурили, помолчали немного.

– Как вам Лаин Хуа? – товарищ Ляо беззаботно улыбнулся. – Впечатлило?

Кречетов моргнул, не понимая, и гость поспешил перевести.

– Синее… Да, правильно, Синее Пламя. Вчера полыхнуло как-то по особенному, такого уже несколько лет не бывало.

Иван Кузьмич понимающе кивнул. Все-то мы знаем, за всем следим. Чекисты везде одинаковы.

– Сильно, – согласился он. – Стало быть, пятый этаж, зал не слишком маленький, прикидываю, шагов этак на сто в длину.

Товарищ Ляо глубоко затянулся, поглядел в холодное зимнее небо.

– Больше, значительно больше. Зал квадратный, выходит прямо под крышу. Его перестроили лет тридцать назад, во время большого ремонта дворца. Мой уважаемый покойный отец был среди тех, кто зал украшал. Вы все увидите, Хатхи Ке Бачи обязательно показывают гостям, ведь это одна из величайших реликвий.

Кречетов поглядел непонимающе, и гость поспешил пояснить.

– Хатхи Ке Бачи – священный камень, одна из двух Скрытых святынь Калачакры. Название можно перевести с хинди, – товарищ Ляо на миг задумался. – Ну, конечно, маленький слон, Слоненок! Если по-китайски, то Хья Хианг.

Иван Кузьмич мысленно похвалил разведку. «Хианг», только «хиао» – маленький». Слоненок и есть.

– Вам о нем расскажут много красивых легенд, но это уже вне моей компетенции.

Гость вновь улыбнулся, показав крепкие желтоватые зубы, и красный командир почувствовал себя не слишком уютно. Всезнающий «товарищ Ляо» не пришелся ему по сердцу с первых же слов. В то, что китаец жил в России, а потом партизанил в Приморье, вполне можно поверить. Только почему он там оказался? По зову революционного сердца – или по иной надобности? Батюшка его вроде бы придворный мастер. Каким же ветром семью занесло в русский Владивосток?

– Легенды – это лишнее, – Кречетов согласно кивнул. – Я в них тоже не слишком силен. Но вы, товарищ Ляо, реликвии Скрытыми назвали. А если они Скрытые, значит, уже целиком, можно сказать, по вашей части.

Гость, нисколько не смутившись, кивнул.

– Отчасти и по моей. Точнее, ими занимались мои предшественники. Когда два века назад началось возрождение Калачакры, ее приверженцы принялись за розыск пропавших и спрятанных святынь. Наиболее ценными считались два огромных камня-самоцвета, когда-то украшавшие дворец правителя Шамбалы. Их и назвали Скрытыми святынями. Стоимость камней поистине неимоверна, поэтому спрятаны они были очень надежно. Но, представьте себе, нашли.

Папироса товарища Ляо погасла, пришлось вновь щелкать зажигалкой.

– Увлекся, – китаец с удовольствием затянулся. – История и вправду потрясающая. К сожалению, отчет о поисках прочли немногие. Я видел его, это три больших свитка, исписанные с двух сторон тибетской скорописью «умэ». Власти в Лхасе предпочли объявить об очередном чуде, вероятно, надеясь эти реликвии получить. Но просчитались. Слоненка верные люди привезли в Пачанг. Само собой, без небесного вмешательства не обошлось и в этом случае.

«Чекист» негромко хмыкнул.

– Не считайте меня циником, товарищ Кречетов, но, как говорят у вас на родине, нельзя путать грешное с праведным. Реликвия, как вы понимаете, это и авторитет, и тысячи паломников, и предмет для торга. Теперь Хатхи Ке Бачи – главная наша гордость, даже Черное Зеркало вспоминают не так часто. Так что все вам покажут, правда, обычно гостей приводят к Слоненку днем.

– Ага, – понял Иван Кузьмич, – чтобы, значит, не посинели.

Товарищ Ляо безмятежно кивнул.

– Именно из этих соображений. Лаин Хуа – Синее Пламя в принципе неопасно, но стоит ли рисковать здоровьем уважаемых гостей? Товарищ Кречетов, кажется, мы уже отдали дань принятой в этих местах вежливости. Поэтому позвольте задать вам вопрос…

Красный командир, ничего иного не ожидавший, спокойно кивнул. В Сайхоте тоже так принято: сперва про слонят, потом про снаряды к трехдюймовкам.

– Приезду посольства из Хим-Белдыра здешние власти очень рады. Не выдам особой тайны, если скажу, что вам охотно пойдут навстречу. Вопрос о взаимном признании, можно сказать, решен…

Кречетов удовлетворенно огладил колкую, только что подстриженную бороду. Сначала СССР, теперь Пачанг, а там, глядишь, и остальные подтянутся. Не зря, значит, объявляли Сайхотскую Аратскую!

– Есть весьма интересные предложения по сотрудничеству, но об этом с вами поговорят в свое время. Нас же интересует иное. В состав посольства включен Лев Захарович Мехлис. Могу я осведомиться о его здоровье?

Красный командир поспешил заверить, что здоровье Льва Захаровича отменное. Про сломанные ребра решил не распространяться, помня еще по Сайхоту, что больной человек – слабый человек.

– Насколько нам известно, он не только высокопоставленный деятель РКП(б), но и человек, близкий к Сталину, одному из руководителей СССР. Как понимать его приезд? Уполномочен ли он вести переговоры от имени Союза Социалистических Советских республик?

Иван Кузьмич глубокомысленно прокашлялся. Как ответить? Про письмо в стальном футляре говорить пока рано, о своих же полномочиях пламенный большевик никому не докладывал. Но тайна невелика. Нужен был бы при посольстве комиссар, прислали бы кого попроще, а не члена ЦК.

– С товарищем Мехлисом на любые темы говорить можно, – рассудил, наконец, он. – Так что пусть ваше начальство в полной надежде будет.

«Чекист» поджал губы, немного помолчал. Взглянул прямо в глаза.

– Вчера похоронили Троцкого.

Кречетов, резко выдохнув, попытался поймать губами ускользающий воздух.

– Похоронили, значит…

Больше слов не нашлось. Даже боли не было, только холод и пустота, словно в зимней тайге, когда гаснет костер.

– Соболезную, – негромко проговорил «чекист». – Следовало сообщить вам раньше, но это не мое решение. Похоже, наше руководство само хотело разобраться. Новости мы

получаем по радио, их требуется обязательно перепроверить, особенно такие важные. Официальные телеграммы вам доставят. После приема посольства во дворце будет проведена траурная церемония. Кончина такого человека поистине сотрясла мир.

Теперь оба молчали. Иван Кузьмич, отогнав тяжелые мысли, попытался сообразить, как смерть Председателя Реввоенсовета может сказаться на посольстве. Им не зря ничего не сообщали. В Синем Дворце желали сперва узнать, что и как переменилось в Красной Столице. Но если «товарищ Ляо» спросил о Мехлисе, значит, здешние власти решили все-таки начать переговоры с СССР.

Китаец достал новую папиросу, закусил крепкими зубами мундштук.

– Не хотелось бы в столь горький час говорить о бренном, но в нашем мире все тесно связано. Когда мы узнали о нападении на посольство, то вначале подумали об очередной банде, их сейчас немало крутится возле Такла-Макана. Но в наш госпиталь попал пленник, и очень непростой пленник.

Иван Кузьмич только вздохнул. Вот и до Блюмкина очередь дошла.

– Человек, руководивший Гилянской республикой, убийца посла Мирбаха, личный порученец Троцкого, можно сказать, острие его копья. Что он делал в Такла-Макане? Я не спрашиваю вас, товарищ Кречетов, просто размышляю. Какими были отношения между Троцким и Сталиным – не тайна. В последние месяцы Сталин почти утратил власть, его исчезновение из политики казалось совершенно очевидным. И вот на посольство из Сайхота, с которым едет представитель Сталина, нападают не разбойники, а люди Троцкого. Неудивительно, что наши власти не спешили вас приглашать. Гадания никак не могли подсказать благоприятный день, такая вот незадача. Но теперь все изменилось. Великого человека больше нет, Сталин же вероятнее всего получит его наследство. Поэтому гадания дали нужный результат, и меня прислали к вам…

– Чтобы узнать о здоровье товарище Мехлиса, – подытожил Кречетов. – Все в мире связано, это вы верно сказали, товарищ Ляо. Вот, например, ваши священные камни. Про Слоненка вы мне рассказали, а что со вторым? Его вроде тоже нашли?

Скрытые святыни Калачакры Ивана Кузьмича не слишком интересовали. Но всё та же восточная вежливость предписывала завершать разговор, переведя его на нечто не слишком актуальное. Священные камни вполне для этого подходили.

– Нашли, – ответил «чекист» неожиданное серьезно. – Слоненок, камень Пачанга синий, второй же – красный, похожий на рубин. По-китайски его имя звучит очень длинно – Гай Тхо Дай Сан, на хинди чуть короче – Хатхи Ха Се. Его я не видел, и, думаю, увижу не скоро. Он сейчас в монастыре Шекар-Гомп, в западном Тибете. Вы, может, удивитесь, но Блюмкин, доставивший вам столько неприятностей, знает об этом камне ничуть не меньше, чем здешние монахи. Не исключаю, что он даже имел счастье лицезреть красную святыню. Все в мире связано… Если власти Сайхота заинтересованы в том, чтобы узнать о Хатхи Ха Се побольше, мы охотно объединим наши усилия.

– Хатхи Ха Се, – не слишком уверенно повторил Кречетов. – А по-русски как будет?

– Голова Слона.

5.

Траурный митинг, горячая речь товарища Мехлиса, не слишком складные, но искренние слова бойцов. Нашлась даже фотография – товарищ Троцкий на трибуне, правая рука вздернута вверх, торчком бородка. Фото прикрепили в большой гостевой комнате, возложив к нему наскоро изготовленный венок. «Серебряные» надели траурные повязки из купленного на местном базаре китайского крепа. Один из ревсомольцев принялся писать поэму, посвященную подвигам почившего Льва.

Пухлую стопку радиограмм, принятых здешним «гиперболоидом», доставили к вечеру. Текст был на самых разных языках, кроме русского. Лев Захарович, не растерявшись, отобрал французский вариант и сел за перевод. Справился быстро, но ясности внести не смог. Официальная извещение, медицинский бюллетень, назначение нового Председателя Реввоенсовета, сообщение о похоронах… Зато телеграммы иностранных агентств оказались щедры на предсказания. Общим было мнение, что вместе с Троцким похоронили и Мировую революцию. Новая власть (чаще всего называли «тройку» Каменев, Ким и Сталин) едина в том, что внутренние проблемы СССР куда важнее, чем погоня за изрядно поблекшим фантомом. Ситуацию могло бы изменить возвращение к власти Вождя, но в такую возможность никто всерьез не верил.

О Сайхоте не упоминалось, зато о Китае говорили немало. Троцкого считали сторонником союза с республиканцами-южанами, что неизбежно втягивало СССР в китайскую междоусобицу. Теперь же верх могли взять умеренные, сторонники мира с северными «реакционерами», что позволяло обезопасить советские границы и вернуть КВЖД. Наиболее же дальновидные считали, что СССР в любом случае будет поддерживать местных сепаратистов и стравливать центральные китайские власти, чтобы избежать восстановления Срединной державы.

* * *

– Значит, меня считают человеком Сталина? – товарищ Мехлис тряхнул черной шевелюрой. – Че-ло-ве-ком! Как в трактире на Подоле: человек, еще пива! Для меньшевика Горького это звучит гордо. Феодальный подход к политике! Здешние бонзы до сих пор живут в Средневековье, в эпоху династии Мин. Ибо коммунист верен не личностям, но великой идее!

Указательный палец на этот раз не взлетел к потолку – представитель ЦК пытался свернуть самокрутку. Предложенные Кречетовым китайские папиросы отверг, не иначе из чистого упрямства.

– Но пусть считают, если это поможет делу. Будем говорить уверенно, жестко и конкретно. Феодальные мракобесы надеются вбить клин в позицию советского руководство по китайскому вопросу. Напрасно!

Закусил самокрутку зубами, зажигалкой щелкнул, поморщился.

– Гадость какая!.. Да, они зря надеются! РКП(б) в минуту скорби сплотилась в единое целое…

– В несколько единых целых, – мягко поправил Кречетов, – Сами же говорили. И курить бы вам, Лев Захарович, поменьше. А вдруг ребра легкое царапнули?

Пламенный коммунист вынул изо рта «козью ногу», поглядел нерешительно.

– Потому и папиросы не покупаю – чтобы удовольствия не получать. Стыдно! А я еще своим разведчикам курить запрещал…

– В разведке – никак нельзя – согласился красный командир. – Попадется среди вражин некурящий, враз учует. Значит, разведкой командовали?

Мехлис, кивнув, улыбнулся неуверенно.

– Песня у моих ребят, Иван Кузьмич, была:

– Нас десять, вы слышите, десять!
И старшему нет двадцати
Нас можно, конечно, повесить,
Но надо сначала найти!

– Ух ты! – восхитился Кречетов. – Твердый, вижу, народ. Кибалка мой, паршивец, все в разведку просился. Молодежь у нас, можно сказать, героическая… А курить все же не надо, вот ребра срастутся, тогда уж…

Для разговора уединились на втором этаже постоялого двора, в маленьком комнатушке, которую занимал представитель ЦК. Пачка радиограмм лежала на столе, наиболее важные – отдельно, каждая с нацарапанным на обратной стороне переводом. Иван Кузьмич заметил, что Мехлис, несмотря на привычное громыхание с обязательным поминанием «ибо», не слишком расстроен и даже не особо удивлен. Видать, крепкая закалка у мужика! Сам же Кречетов, поразмыслив, рассудил, что дела и в самом деле не так уж плохи. Во всяком случае, Блюмкину в Пачанге ничего не светит.

Красный командир вспомнил комполка Волкова и мрачно усмехнулся. И у этого предателя не выгорело! Жаль, что три года назад в монгольской степи товарищ Венцлав встретился с ним, с Кречетовым, а не с бароном. Своя своих бы познаша!

– А с этими вашими камнями… – товарищ Мехлис поморщился. – Не туда смотрите, Иван Кузьмич. Красный, синий, да хоть ультрафиолетовый. Поповские реликвии политики не делают. Это погремушки для слабых разумом и волей! Господин контрразведчик сознательно пытался отвлечь вас, пусть по ложному следу. Ибо!..

На этот раз указующий перст, не оплошав, ввинтился в воздух чуть ли не со свистом, указуя прямиком в давно не метенный потолок. Но товарищу Кречетову так и не довелось познать комиссарскую мудрость – помешал громкий стук в дверь. Удар, затем еще, еще…

Мужчины переглянулись.

– Пожар, что ли? – Кречетов встал, оправил застиранную добела гимнастерку. – Если и пожар, зачем молотить-то? А насчет погремушек, я вам Лев Захарович, позже расскажу. Имеется тут такая, Лаин Хуа зовется.

За дверью пожара не было, зато присутствовал барон Унгерн, на помине легок.

– Разрешите войти, господин красный командующий?

Пахнуло дешевым одеколоном, в пол ударили вычищенные до блеска желтые сапоги. Халат-курма тщательно выглажен, кожаная плеть пристроилась при широком поясе, фуражка надвинута на самый нос, один ус вздернут к уху, второй, как и полагается, смотрит вниз.

…Погоны – когда-то золотые, ныне вытертые почти до самых ниток. Маленький белый крестик на груди.

– Здравия желаю, господа!

«Господа» вновь переглянулись.

– Вечер добрый, Роман Федорович, – невозмутимо кивнул Кречетов. – Проходите, не стойте у порога.

Представитель ЦК, поморщившись, принялся глядеть в темное окно. Гостя, впрочем, это ничуть не смутило.

– Господин красный командующий! Прошу дозволения в вашем присутствии обратиться к господину Мехлису!

На этот раз Иван Кузьмич промедлил с ответом. Прежде барон отнюдь не обременял себя китайскими церемониям.

– Обращайтесь, – наконец, разрешил он. – Только кричать не надо, а то караульные тревогу поднимут.

Бароновы усы шевельнулись. Плотоядная усмешка, горящий злой радостью взгляд…

– Господин ко-мис-сар!..

– Лучше «гражданин начальник», – не оборачиваясь, бросил Мехлис. – Такое обращение принято в местах заключения на территории СССР. Привыкайте, пригодится.

– Господин комиссар, гражданин начальник, – барон резко выдохнул. – Ввиду изменившихся обстоятельств считаю возможным ознакомить вас с приговором, мною вынесенным. Сразу уточню, что он окончательный и ни-ка-кому обжалованию отнюдь не подлежит.

Лев Захарович неспешно встал и, взяв из лежащей на столе пачки папиросу, щелкнул зажигалкой.

– Может, лучше фельдшеру зайдете? Бром у него еще остался.

– Вавилонский масон, член большевицкой «цеки» Мехлис Лев Захарович приговаривается к квалифицированной казни – разрубанию на части посредством мясницкого топора, начиная с пяток…

Унгерн, задохнувшись воздухом, яростно дернул себя за ус.

– Казнь будет производиться под духовой оркестр. Репертуар: русские народные мелодии, начиная с «Комарицкой». Время исполнения: не менее шести часов, после чего комиссарский фарш надлежит скормить собакам, голову же обработать должным образом и поместить на казацкой пике в людном месте ради воспитательного момента!..

Мехлис, глубоко затянувшись, выдохнул синеватое колечко папиросного дыма. Иван Кузьмич же горестно констатировал, что за фельдшером идти придется. А еще понадобится пара веревок и ведро с водой.

– Однако!!!

Стены комнаты дрогнули, зазвенели стекла.

– Исходя из нынешних обстоятельств казнь временно… Вы слышите, граж-да-нин началь-ник? Временно откладывается. Господину Мехлису присваивается звание полковника, он назначается моим специальным представителем в России. Задача: проведение переговоров с руководителями СССР. К исполнению обязанностей приказываю приступить немедленно!.. Вы меня поняли, господин Мехлис?

Кречетов шагнул к двери, дабы привести фельдшера, а заодно пару бойцов покрепче, но был остановлен негромкими словами пламенного большевика.

– А вам не кажется, гражданин Унгерн, что вы опоздали на три года?

– Хмм…

Барон грузно опустился на стул, бросил на колени фуражку.

– Господин Мехлис! Три года назад я не имел нужных сведений о составе большевицкого синклита. Откуда? Степь, дикость, тарбаганы бегают… Про масонов в составе вашего «цека» мне, понятно, доложили, но о здоровом, так сказать, элементе, я и не слыхивал. Потом, уже в плену, довелось почитать вашу прессу, да и поговорить кое с кем. На допросе я изложил господину Щетинкину некоторые соображения по поводу военных действий русской армии в Китае и на Тибете. Не из надежды на помилование, а исключительно ради пользы дела.

Кречетов невольно почесал затылок. А ведь действительно! Щетинкин как-то при встрече обмолвился, что план похода из Монголии в Тибет давно проработан, причем план отменный, прямо как из Генерального штаба.

– За час до расстрела из Столицы пришла телеграмма, с господином Ярославским, государственным обвинителем, даже истерика случилась. А потом от меня потребовали все

изложить в письменном виде, предоставили не только карты местности, но и разведывательные донесения…

– Допустим, – все так же невозмутимо откликнулся новоиспеченный полковник. – Но внешней политикой в СССР руководит Политбюро, а вооруженными силами – Революционный Военный совет. Ваша инициатива, гражданин Унгерн, избыточна.

Барон, привстав, уперся руками в стол, ухмыльнулся злорадно:

– Об этом предоставьте судить мне, господин специальный представитель. Ваше дело – доложить и выслушать ответ. Решение по Тибету давно принято, однако ему противостояла воля господина Бронштейна. Сей иудеомасон не хотел ссориться с республиканским правительством в Кантоне. Ныне же, когда помянутый отправился прямиком в котел к господину Карлу Марксу, время настало.

– Так это же большая война выйдет! – не утерпел Кречетов. – На весь Китай война, а то и на всю Азию. А какая сейчас война, если от РККА едва десятая часть осталась!

Именно об этом толковал ему Щетинкин, объясняя отказ Столицы от размещения частей Красной армии в Сайхоте. Даже с цифрами познакомил. Была когда-то непобедимая Рабоче-Крестьянская, теперь же один скелет место обозначает.

Унгерн дернул плечом под истертым погоном.

– Господин командующий Обороной Сайхота! Нужный приказ будет доведен до вас в должное время. И не думайте, что я не знаком с обстановкой. В западном Китае правительственных войск очень мало. России нет необходимости вступать в войну. На помощь восставшему Тибету придут армии Монголии, Сайхота, а также подразделения добровольцев из Маньчжурии. Но это уже детали.

Барон встал, гордо вскинул подбородок:

– Итак, господа, можете считать, что операция уже началась. Честь имею!

Ответа ждать не стал – прогрохотал сапогами. Громко хлопнула дверь.

– Может, все-таки свяжем и брому дадим? – задумчиво молвил добрая душа Иван Кузьмич. – Или караул приставим?

* * *

Унгерн бежал в ту же ночь, перед рассветом. Оплошавшие часовые только руками развели, однако вскоре все разъяснилось. В толстом глиняном заборе, окружавшем постоялый двор, как раз за отхожим местом чернела сквозная дыра. Кусок покрытой побелкой мешковины лежал рядом, еще один обнаружился снаружи. Беглецу не понадобилось проходить сквозь камень.

На улице, возле пролома, прямо на свежем, недавно выпавшем снегу лежала большая черная собака. Ее пытались прогнать, незваная гостья огрызалась, выла, кидалась на людей. Наконец, ушла, но не слишком далеко, к соседнему забору. Улеглась в снег, блеснула желтыми глазами…

Глава 4. Париж, Париж…

1.

Ольга вдохнула сырой промозглый воздух, зябко повела плечами. Оттепель! Всю ночь шел снег, к утру подмерзло, но ближе к полудню лед подтаял, задул теплый ветер, небо Столицы задернули тяжелые низкие тучи. Полушубок Зотова надевать не стала, предпочтя привычную шинель, теперь же искренне пожалела. На кладбище было как-то по-особенному зябко, сырость пробирала до костей, вдобавок левый ботинок совсем не вовремя прохудился. Хоть возвращайся!

Бывший замкомэск вытерла платком мокрый нос и, осудив себя за пораженческий мысли, твердо шагнула в мокрый снег. Главная аллея, четыре поперечные пропустить, на пятую свернуть. Два белых гвоздики, купленных на маленьком базарчике у ворот, торчали из-за отворота шинели. В кобуре на поясе – «маузер» № 1. Вперед!

На Ваганьково девушка хотела съездить еще перед Новым годом, но так и не собралась. Спешит некуда, мертвые – мертвы. «Склеп семьи Шипелевых… Ничего там сейчас уже нет.» Но все равно на душе было неспокойно, и Ольга решилась. Нашла в библиотеке подробный план кладбища, дождалась ближайшего выходного, купила цветы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.